

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

РЫЦАРИ ПОРОГА

ТОМ

2

РОМАН ЗЛОТНИКОВ,
АНТОН КОРНИЛОВ

ВРЕМЯ ТВАРИ

Антон Корнилов
Роман Валерьевич Злотников
Время твари. Том 2
Серия «Рыцари Порога», книга 3

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=647945

Злотников Р. В., Корнилов А. Время Твари: Фантастический роман в двух томах. Т. 2.:

Издательство АЛЬФА-КНИГА; Москва; 2011

ISBN 978-5-9922-0936-5, 978-5-9922-0921-1

Аннотация

Настало время решающей битвы. Битвы, о которой еще долгие века будет помнить мир Шести Королевств. Потому что воины Высокого Народа вновь вышли к людям. Но не с тем, чтобы сражаться с ними. А чтобы встать на их сторону в жестоком противостоянии с древним злом Блуждающего Бога... И никто из людей в тяжкие те дни не задумывался, чем придется платить за помощь эльфов...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	21
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Роман Злотников, Антон Корнилов

Время твари. Том 2

Пролог

Луна здесь, в Серых Камнях Огров, была большая и белая, словно глыба льда, примерзшая к черному небу, безликая и неживая.

Сухой старик с морщинистой лысиной, кряхтя, приподнялся на жесткой постели и столкнулся с собой на пол волчьей шкуры. Через маленькое узкое оконце в его комнатку под самой крышей угловой башни замка Полночная Звезда лился холодный бледный свет. Старик запустил тонкие длинные пальцы в щель между кроватью и стеной и нашарил рукоять ножа. Вытащил нож и, пугливо оглянувшись на закрытую дверь, спрятал его в рукав. Этот нож ему три дня назад посчастливилось украсть у Бранада – бывшего ратника замка Орлиное Гнездо, ставшего теперь оруженосцем рыцаря Братства Порога сэра Эрла, наследника замка Львиный Дом.

Мысль о том, как причудливо переплетаются нити судьбы, заставила старика горько усмехнуться. Чтобы воин, имевший под своим началом сотню ратников, превратился в обычного оруженосца – это еще можно было понять. Но как он – первый королевский министр, всеведущий и всемогущий господин Гавэн, способный влиять на жизни тысяч и тысяч людей, – мог очутиться в этом проклятом месте: без золота, без каких-либо бумаг, подтверждавших его положение, без слуг и без оружия, имея из личных предметов только меховую шубу, лежавшую сейчас у него в ногах?.. Поистине, суставы мира вывихнулись с треском, и когда все вернется на свои места – совершенно непонятно... Вчера ты стоял на вершине, и сияние золота на твоей одежде не давало никому рассмотреть возрастные пигментные пятна на твоей дряблой коже, а сегодня ты – обычный старик с морщинистой лысиной, похожий на сотни других таких же стариков.

Впрочем, кое-что все же отличало господина первого королевского министра Гавэна от других. Крохотное демоническое существо, присосавшееся к сердцу, то и дело царапавшее его острыми коготками, – кто еще мог похвастаться подобной диковиной? Коготки с каждым днем стискивают сердце все сильнее и сильнее, так что становится трудно дышать, темнеет в глазах и временами отнимаются руки и ноги. Сколько дней и ночей осталось до того момента, когда маленькая тварь устанет мучить его и вопьется ядовитой пастью в упруго пульсирующий мускульный комок, заставив этот комок остановиться навсегда?..

Гавэн осторожно спустил босые ноги на волчью шкуру. Плечи под тонкой тканью камзола тут же пробрала дрожь. Но министр решил не накидывать на плечи шубу – будет стеснять движения, не надевать низкие мягкой кожи сапоги – подошвы станут гулко клацать по каменным плитам коридора. Он выпрямился, и его тотчас шатнуло в сторону.

Старику пришлось снова присесть на постель. Он уже три дня не вставал с нее, с того самого дня, как украл у Бранада нож. В замке знали, что господин Гавэн занедужил (а министру почти и не пришлось притворяться), и то, что у него отнялись ноги, ни у кого не вызвало ни малейших подозрений.

Когда комнатка перестала выплывать, бешено моргая бельмом окна, Гавэн предпринял еще одну попытку встать на ноги. На этот раз голова не закружилась. Ступая по обжигающе ледяным плитам, бывший министр вышел в коридор.

Тут острые когти опять впились в его сердце, и судороги мучительной боли пробежали по всему телу. Гавэн скривился, мысленно послав привычное проклятие бывшему архимагу Сферы Жизни Гархаллоксу...

Впрочем, если разобраться – разве виноват Гархаллокс, что министр оказался в таком отчаянном положении? Конечно, именно он, бывший архимаг, и предложил отправить Гавэна в Серые Камни, чтобы тот, используя свои дипломатические навыки, попытался предупредить очередное большое кровопролитие. И это поручение сыграло бы Гавэну на руку (в Дарбионском королевском дворце стало слишком опасно), если бы Константин, могущественнейший маг Константин, Его Величество Константин Великий, не запустил бы мелкую зловредную тварь в узкую старческую грудь министра, вполне разумно полагая, что человек способен на большее, если от успешности его действий зависит его собственная жизнь... Да! Поселил в груди министра тварь, ни на мгновение не дававшую Гавэну забыть, зачем он здесь; тварь, из-за которой первый королевский министр не мог просто переждать опасное время в спокойном бездействии.

Его мастерство плетения интриг оказалось здесь бессильным. В этих краях у министра не было верных людей, не было денег, да если бы и были – над сердцами здешних рыцарей и ратников они не имели власти. В Серых Камнях Огров никто не доверял первому королевскому министру господину Гавэну. Более того, на него смотрели с явным пренебрежением, как тут смотрят на всякого, кто не обладает ни одним из умений, могущих быть полезными в здешней суровой жизни. Гавэн не был воином, ничего не смыслил в магии и лекарском мастерстве, у него даже не было ни сил, ни привычки обслуживать себя.

Только сэр Эрл, родной племянник Гавэна, к своему дядюшке относился уважительно и мог его выслушать. В этом и заключался единственный шанс министра выполнить то, зачем он здесь оказался, и избавиться наконец от сосущего его сердце демона.

Но разговоры с Эрлом в те редкие минуты, когда они оставались наедине, ни к чему не приводили. Этот мальчишка вбил себе в голову, что является спасителем всех Шести Королевств, и собирался действовать решительно и жестко, как и полагается всякому спасителю. Переубедить его Гавэну так и не удалось.

Первый королевский министр совершенно искренне желал блага своему племяннику.

Он говорил, что наиболее разумным шагом в борьбе с пришедшим к власти Константином было бы сейчас затаиться и переждать. Константин – невероятно могущественен, но Гавэн, многоопытный Гавэн, все же видел повисшую над королем черную тень смерти. Могущество Константина чересчур велико для любого из смертных. Рано или поздно оно раздавит его.

А Эрл только яростно отмахивался, всякий раз не давая своему дядюшке договорить. Затаиться? Переждать? Разве Честь и Долг рыцаря позволяют ему такое?! «Честь» и «Долг» – слова громкие и глупые, как начищенный до блеска пустой доспех... Гавэн раньше и сам часто использовал их. Он знал силу этих слов. С их помощью легко можно было заставить людей идти на верную смерть – без дрожи и сомнений, с одной только гибельной радостью в душе.

Но ведь, как ни крути, слова – это одно, они всего лишь звук, тающий в воздухе, а действительность – совсем другое; ее нельзя изменить в соответствии со своими убеждениями.

Константин идет сюда с громадным войском. Константин ведет с собой отряды оставшихся верными ему феодалов и сонмы демонов Темного мира. Сокрушить Константина сейчас не в силах никто.

Всего лишь и хотел Гавэн от Эрла: чтобы тот убедил рыцарей Серых Камней покинуть родовые замки, убраться с обжитых земель. Что с того, что крестьяне из деревень, лепящихся к замкам, останутся без защиты? Можно успокоить себя тем, что Константин и не будет уничтожать их, мстя за своих магов, погибших на этих землях. А если даже кого-то и казнит, сожжет несколько деревень и разрушит пару замков... Разве это большая цена за спасительный выигрыш во времени? Ведь настанет момент, когда можно будет вернуться и взять власть в свои руки – кровью гораздо меньшей!

Эрл этого не мог понять. Тем более этого не поняли бы его соратники – рыцари Серых Камней Огров. Сильнее никуда не уходящей болезненной тяжести в груди, сильнее предощущения собственной смерти господина первого министра мучило сознание собственной беспомощности и ненужности. Привыкнув держать в своих руках все ниточки, прочно связывающие окружающий его мир, он теперь задыхался в этом вязком пузыре бездеятельной немощи.

Гавэн двинулся по коридору к покоям Эрла, которые располагались рядом с комнаткой, выделенной министру хозяином замка, бароном Трагганом. Идти было совсем недалеко – всего-то с десяток шагов по темному коридору. Но уже у самой двери Эрла Гавэна вновь скрутило. На миг ему показалось, что сердце лопнуло кровавыми лоскутами... Но мутная темень постепенно уходила из глаз, и, тяжело дыша, Гавэн прислонился к стене, приходя в себя.

Сколько ему еще осталось – день, два? Загнанный в ловушку, он теперь видел перед собой единственный выход. Как ни страшно то, что ему предстоит сейчас совершить, умирать все же страшнее.

Что может быть ценнее своей собственной жизни? Все золото мира ни к чему, если тело твоё даже не в силах удерживать душу. Первый королевский министр господин Гавэн очень хотел жить.

Он остановился перед дверью покоев своего племянника. Прислонился к ней, стараясь увеличивать нажим как можно медленнее, но все же, когда образовалась щель, через которую Гавэн мог протиснуться, дверь едва слышно скрипнула.

Министр облился потом.

Он прекрасно понимал, что у него, немощного старика, справиться с рыцарем Горного Порога – пусть спящим и не ожидающим нападения – шансов совсем немного... но они все-таки есть. Если Эрл проснется, можно будет притвориться, что ищет помощи, упасть в объятия племянника и уж тогда изловчиться и выпустить нож из рукава.

За дверью было тихо.

Гавэн, крадучись, направился к постели сэра Эрла. Сердце министра пульсировало болью.

«Утихни хоть ненадолго! – взмолился он мучившей его твари. – Дай мне возможность сделать то, что я должен сделать!»

Вероятно, демон услышал его мысли – боль в груди ослабла.

Гавэн замер, глядя на раскинувшееся в постели молодое сильное тело, на свежее лицо, совсем мальчишеское в ослабе сна, на длинные разлетающиеся волосы, которые даже в темноте заметно отливали золотом.

Он вспомнил то время, когда ему впервые пришла в голову мысль о высоком предназначении племянника. Вспомнил, как в сопровождении многочисленной свиты прибыл в Горную Крепость Порога и говорил с родным братом, Магистром Ордена Крепости Горного Порога сэром Генри. Именно Гавэн навел старого Ганелона Милостивого на мысль преподнести своей дочери, принцессе Литии, на день совершеннолетия поистине королевский подарок: трех лучших рыцарей из трех Крепостей Порога – чтобы те оберегали жизнь и честь своей принцессы. Все шло как нельзя лучше. Доблестный юноша сэр Эрл полюбился ее высочеству, и Гавэн уже предвкушал те дни, когда он, после смерти Ганелона, возведет на трон Гаэлона своего племянника, преисполненного благодарностью к дядюшке...

Но причудливо плетутся нити судьбы...

Гавэн облизнул сухие бесцветные губы, глядя на лицо Эрла, остро напомнившее ему сейчас лицо сэра Генри. На миг в голове его мелькнула странная мысль: а что, если чужая жизнь может оказаться ценнее собственной?.. Но первый министр тут же погасил абсурдную эту вспышку.

Нож послушно скользнул из рукава в ладонь. Гавэн накрепко стиснул пальцы на рукояти. Ему еще ни разу не приходилось убивать человека, но он знал, куда нужно ударить. Глубокий разрез под подбородком выпустит достаточно крови, чтобы наутро иссушенное тело не смогли вернуть к жизни никакой, даже самой сильной магией.

– Рассчитано превосходно, – серебряно прозвенел позади министра спокойный и уверенный голос.

Резко обернувшись, Гавэн едва не упал.

Он увидел неподвижную, очень высокую фигуру, едва вмещающуюся в пространство между полом и потолком, похожую на выточенную из драконьей кости изящную статую бога. На первый взгляд существо имело сложение, сходное с человеческим, но уже в следующее мгновение становилось ясно – человек не мог быть сложен настолько идеально. Длинные ровные пряди волос цвета прозрачной морской волны, обрамлявшие прикрытое серебряной маской лицо, ниспадали до самого пояса. Маска испускала дрожащее сияние, светилась и плотно облегающая тело существа одежда, вероятно изготовленная из того удивительного материала, которому нет названия ни в одном из человеческих языков.

– Все в замке Полночная Звезда знают, что старик по имени Гавэн очень болен, – донеслось из-под маски, – и уже третью ночь не встает с постели. Старику Гавэну становится все хуже и хуже, и, надо полагать, очень скоро он перестанет существовать. Следовательно, заподозрить его в убийстве – да не кого-нибудь, а собственного племянника – вряд ли кому придет в голову. Нож, который найдут в теле убитого, прямо укажет на своего хозяина.

Гавэн окаменел от ужаса, узнав в пришельце одного из Высокого Народа. Этой ночью он опасался людей, но никак не мог подумать, что помешает ему эльф. Как и всякому в Серых Камнях – и уже далеко за их пределами, – министру было известно о союзе, заключенном между Эрлом и Высоким Народом. Эльфы пришли в Полночную Звезду несколько дней назад. Они говорили с рыцарями Серых Камней, а после заключения союза до времени отбыли в свои Тайные Чертоги. Не станет же Высокий Народ жить с людьми. Смешно даже подумать о таком! Все равно что владеющий громадным замком дворянин вдруг замыслит поселиться в свинарнике и жрать со свиньями из одного корыта вонючее хлебово.

Эрл и рыцари Серых Камней видели в этом неожиданном союзе неслыханную удачу – знак свыше, предвещавший победу. Но Гавэн не верил Высокому Народу. Понимая его мощь, он понимал и другое: вмешиваясь в дела людей, Высокий Народ делает это не из желания облагодетельствовать, а преследуя свои, недоступные разуму человеческому интересы. И за оказанную сейчас помощь впоследствии придется заплатить несоизмеримо дорого. Ему многое было известно, этому старику, первому королевскому министру господину Гавэну. Всю свою жизнь он привык рассчитывать дальнейшие шаги – свои и других людей – при помощи разума. Но предугадать действия эльфов, хотя бы немного приоткрыть завесу, скрывающую их истинные планы, Гавэн, как и любой другой человек, был не в состоянии – древний Высокий Народ намного превосходил человеческую расу в развитии.

А то, чего он не мог постичь, неизменно вызывало у Гавэна ужас. Когда в замке Полночная Звезда впервые появились эльфы, Гавэн, сказавшись больным, спрятался подальше от их глаз. Хотя и понимал, что Высокий Народ все равно знает о том, что он здесь. Знает, но... если лишний раз не высовываться, может быть, эльфы уйдут, не удостоив его своим вниманием?

– Но ты не сделаешь этого, – звенело из-под серебряной маски. – Потому что человек по имени Эрл важен для этого мира. Нужен всем вам. Нужен и нам тоже.

Тут Гавэн сообразил, что голос эльфа давным-давно должен был разбудить Эрла. Но не успел он оглянуться на постель племянника, как эльф снова заговорил:

– Не бойся. Он не слышит нас. Я говорю тебе, старик, не бойся.

И вдруг господин первый министр почувствовал, как ужас оставляет его. Умиротворяющее спокойствие наполнило его тело, как легкие ныряльщика, покинувшего водную глубь, наполняет живительный воздух. Гавэну стало легко как никогда в жизни, кроме, пожалуй, полузабытых дней беззаботного детства. Безграничное доверие к стоявшему перед ним странному существу ощутил Гавэн – и таким сильным было это переживание, что показалось ему: вот-вот из глаз хлынут слезы умиления. Министр знал о природной способности Высокого Народа к любовным чарам. Люди отличаются друг от друга. Кто-то не может не восхищаться хрупкой красотой бабочки, а кто-то в той же бабочке видит лишь омерзительно назойливое насекомое. Понятие прекрасного у каждого разное. Но перед естественным очарованием эльфов не способен устоять ни один человек. Министр знал об этом, но теперь чужеродное вторжение в ту часть сознания, которая управляла его чувствами, его не пугало. Потому что страха в нем уже не было.

И Гавэн вовсе не удивился, когда ставший еще более благозвучным голос эльфа нежно прозвенел:

– Ты так дорожишь своею жизнью? Я помогу тебе.

Эльф протянул к старику руку. Ладонь его была так широка, что легко могла бы накрыть грудь Гавэна, но при этом вовсе не казалась несуразно-громадной. Она была восхитительно изящна – как и само это существо. Бывший министр почувствовал боль в сердце, но эта боль была теперь иной... будто бы не он ее испытывал, а отвратительный маленький демон, притаившийся в укроном тепле его плоти.

– Сожалею, но я не могу просто извлечь это из тебя, – проговорил эльф. – Оно слишком долго было внутри. Место, которое останется после него, нужно чем-то заполнить.

Гавэн не вымолвил ни слова, но на его глазах блеснули слезы. Эльф поможет ему?! Раз он так сказал, так и будет! Пусть делает все, что заблагорассудится, – только бы избавил от этой дряни, измучившей дряхлое тело... Если бы эльф потребовал сейчас от Гавэна, чтобы тот приготовленным для Эрла ножом вскрыл себе грудную клетку, министр и на это согласился бы с великой радостью. Все, что исходит от Высокого Народа – так ощущал сейчас Гавэн, – истинно, и подвергать это сомнению просто нелепо.

Эльф коснулся груди старика. Кончики пальцев, пройдя сквозь одежду, вдруг легко вошли под кожу и, не выдавив ни капли крови, скользнули дальше, раздвигая слои плоти. Как такое получалось, Гавэн не понимал, но с восторгом ждал продолжения. Спустя мгновение в груди старика стало холодно и мертво. Сквозь туманную пелену, появившуюся невесть откуда, он увидел, как эльф достал из его груди яростно извивающееся создание, крохотное, черное, похожее одновременно на скорпиона и жабу, и вложил на его место что-то искристое, переливающееся всеми цветами радуги... И отнял руку.

Гавэн открыл рот и сделал вдох. Сердце стукнуло и зачастило, и туманная пелена вмиг исчезла. На одежде министра не осталось ни малейшего следа. Он поспешно задрал рубаху, но и на коже не обнаружил ничего: ни крови, ни шрама.

Снова подняв глаза, Гавэн не увидел эльфа. В комнате было темно и холодно. И стало слышно, как посапывает в своей постели сэр Эрл.

Ноги сами вынесли Гавэна в коридор. А окончательно он пришел в себя уже в своей комнатке. Первое, что сделал, оказавшись там, – швырнул за окно нож Бранада, который до сих пор сжимал в своей руке. И прилег на жесткую кровать.

Сердце стучало ровно. Некоторое время первый королевский министр ни о чем не думал, а потом счастливо рассмеялся в темноте.

Как невероятно хорошо и удачно все сложилось! Он погладил левую сторону груди. Эльфийские чары отпускали его, словно улетучивалось легкое опьянение, но страх, который Гавэн неизменно испытывал при мысли о Высоком Народе, все не возвращался.

Господин первый королевский министр, как и раньше, не питал иллюзий относительно бескорыстия Высокого Народа. Он четко знал: никто ничего не делает просто так – конечно, если этот «кто-то» не полный болван. А сомневаться в умственных способностях эльфов не приходилось. Гавэн понимал, что всего-навсего перепрыгнул с одного крючка на другой.

Но этот новый крючок его и радовал. Жизнь была сохранена, и ей ничего пока не угрожало.

А главное: он снова почувствовал себя нужным. Эльфы ни за что не стали бы возиться с ним, будь он им безразличен. Они решили даровать ему еще несколько лет жизни, правда, он даже и представить не мог – зачем?..

Часть первая Дороги долга

Глава 1

Над городом Агаром в ночном небе тускло замерцал Небесный Странник – словно вынырнула из черной воды осенняя сонная рыбина. Появление этой звезды означало, что пошел уже четвертый час пополудни. Но город не спал. В окнах многих домов плясали желтые огоньки светильников, валил душный пар из этих окон, и разлапистые тени скользили по мостовой, и был слышен глухой стук глиняных кружек, топот обутой в тяжелые сапоги ног, скрип и скрежет передвигаемой мебели. И еще нестройное пение несло из открытых освещенных окон, и грубый грохочущий хохот, и низкое бульканье пьяного разговора. Те жители Агара, подданные великого королевства Гаэлон, кого миновала участь принимать в своих домах ратников королевского войска, притихли за плотно закрытыми ставнями... Опасливо поеживаясь, слушали, как шумят расквартированные у соседей королевские гвардейцы – мечники и арбалетчики; дарбионские вольнонаемные пехотинцы – копейщики и лучники; воины-наемники верных вассалов его величества. Как трещат на улицах наскоро приколотенные к заборам и стенам большие факелы... Как на крышах грузно переступают во сне когтистыми лапищами ужасные Смарадокрылы, осыпая куски черепицы... Как стучат по обледелым булыжникам узких улочек мерные шаги караульных гвардейцев.

– Ну и дыра... – хрипло проворчал Зой, левой рукой неловко кутаясь в плащ – правой он придерживал на плече тяжелое копье, – просто дырища... Хуже всякой деревни, клянусь Светоносным. Глянь, куча дерьма прямо посреди улицы! Тьфу! Я ж говорю – дырища...

Второй караульный, Ли – тучный мужчина с жесткой, словно звериная шерсть, бородой, – шел молча. Только изредка постукивал кулаком по своей кирасе, надетой поверх теплой меховой куртки, – пытался отогреть пальцы, скрюченные в прохудившейся рукавице.

– И еще холодина эта, – продолжал ворчать Зой. – Сдохнуть можно! Эх...

Порыв промозглого ветра, хлестнувший из очередного переулка, швырнул в лица караульным пригоршню снежной крупы. Зой витиевато выругался. Ли молча отер бороду.

Они заступили в караул два часа назад и смениться должны были только утром. Зой перед выходом славно угостился яблочным самогоном из бочки, которую приволокли из ближайшего кабака его товарищи по оружию. А так как охотников до дармового угощения оказалось предостаточно, задержавшемуся у оружейного обоза Ли досталась только пара стаканчиков. Приятного опьянения хватило ему лишь на проход до первого переулка. Потом тепло в груди угасло, в голове заколыхалась хмурая муть, а руки и ноги от холода утратили привычную подвижность; казалось, еще немного – и суставы начнут скрипеть, словно промерзшие насквозь древесные ветви.

Свернув в переулок, Зой потянул носом стылый воздух и задрал голову. На крыше низкого одноэтажного дома, мимо которого проходили караульные, точно громадное каменное изваяние неподвижно возвышался черный силуэт Смарадокрыла. Ратники, не сговариваясь, тут же сбавили ход, стараясь ступать потише, но крылатый демон услышал человеческие шаги. Чудовищный, металлически поблескивающий клюв приоткрылся с рокошущим клекотом, в верхней части косматой башки вспыхнул огненный глаз. Демон пошевелился, скрипнув когтями по черепице, и – словно потягиваясь – взмахнул перепончатыми крыльями, на мгновение заслонив от идущих половину неба. Невероятная, не сравнимая ни с чем вонь накрыла ратников. Но еще раньше того караульные со всех ног прыснули вдоль по переулку.

– Как в выгребную яму окунулся... – прохрипел Зой, вытирая обильно заслезившиеся глаза, когда вновь перешли на шаг. – Ну ты припустил, друг! – добавил он, как будто сам только что не мчался по улице, как кошка от собаки. – Чего так испужался-то? Первый раз, что ли, Смарадокрыла увидел? Нам же наш капитан еще в Дарбионе разъяснил, что эти демоны нас, королевских ратников, не тронут... Мы ж его величеству честно служим, мы ничего такого никогда... не это... Говорят же: Смарадокрылы глаза и уши его величества. Все, что они видят и слышат, – его величество видит и слышит. И без его воли ничего не сделают. Потому и летают свободно, а не в цепях, как другие демоны... Ну? Чего пужаться-то? Давно бы уж привыкнуть пора к этой ужасности. Я вот привык... почти.

Ли и на этот раз ничего не ответил. После пробежки он кряхтел и встряхивал головой, словно выбравшаяся из лохани с водой толстая крыса.

– Ужас-то ужас, – продолжал развивать свою мысль Зой, – но силища у этих демонов!.. Две этаких твари свободно могут сотню ратников разогнать! А его величество изволил полсотни Смарадокрылов из Темного мира призвать, а то и того больше. Ни стрелы, ни болты арбалетные их не берут. Ты скажешь, можно в глаз стрелу засадить? – повернулся он к Ли, хотя тот никак не обозначил намерения заговорить. – Можно, никто не спорит. Так ведь еще и попасть надо – в глаз-то...

Из окна на другой стороне улочки высунулся голый по пояс парень с кружками в обеих руках – и с совершенно звериным рыком изверг из раззявленной пасти тугую струю бурозеленой субстанции.

– Ишь ты! – восхищенно проговорил Зой.

Ли, тоже обернувшись на парня в окне, завистливо вздохнул.

– Отдыхают ведь люди, – произнес Зой, – как и полагается после долгого перехода. Почитай неделю шли, с самого Дарбиона. А тут – изволь мерзнуть... ноги стаптывать, и без того стоптанные. А зачем? К чему эти караулы? Кто, скажи мне, осмелится воинство его величества побеспокоить? Да только от одного вида Смарадокрылов... и Клыкастых Космачей... и Шестиногов... и Красных Псов... и других – самый храбрый храбрец кинется наутек и неделю бежать будет без остановки. Вон, жители этого самого городишки – хоть бы один нос высунул на улицу! Все по домам трясутся... кто вовремя не сбежал из города. Эх и холодина! Я б сейчас еще стаканчик-другой опрокинул. Да храпануть завалился б...

– Служба есть служба, – прогудел необычайно густым басом Ли. – Раз надо – значит, надо. Ежели сказано, следует выполнять.

– И я об этом говорю! – обрадовавшись, что его спутник наконец открыл рот, сказал Зой. – Я ж об этом и говорю – кто его величество не любит, того пускай Смарадокрылы на куски рвут, Космачи жрут и Шестиноги терзают. Но я-то – не такой, ты знаешь! Я за его величество завсегда... это самое... Потому демонов бояться мне не след. Да только долгонько нам еще мучиться, – чуть помедлив, вздохнул Зой. – До самой Болотной Крепости Порога идти, ее высочество принцессу Литию вызволять, которую там спрятали... А сколько идти – того никто не знает. И где она вообще, эта самая Крепость, находится, тоже никому не известно.

– Его величество знает, – пробасил Ли. – Его величество все на свете знает. На то он и его величество. А наше дело маленькое. Служба есть служба.

– Это да, – подтвердил Зой. – Его величество, он... того... А служба – она, конечно, служба.

Отличительной особенностью королевского гвардейского копейщика Ли было то, что он никогда не позволял себе о чем-либо рассуждать и в чем бы то ни было сомневаться. Он неизменно изрекал только непреложные и общеизвестные истины, поэтому разговаривать с ними было все равно что удить рыбу без наживки: вроде бы дело и делается, но ни к какому результату не ведет. Но Зой сейчас был рад и такому собеседнику.

– Долгонько еще, да... Из Агара напрямик к Серым Камням Огров пойдем, – говорил он, задумчиво шевеля бровями. – Туда, где сэр Эрл Сантальский, нечестивый предатель королевства, засел. До Серых Камней четыре-пять дней пути... Слухи ходят, что мятежный рыцарь силу великую собирает, чтобы его величество, государя нашего, Константина Великого, с престола спихнуть. Да только разве его величество кто-нибудь может одолеть? Неделя-другая – и от сэра Эрла и его приспешников лишь мокрое место останется. А вот дальше... Кто говорит, до Туманных Болот два месяца идти, а кто говорит – и все полгода. Ну дойдем, быстренько эту Крепость в порошок сотрем – с мощью его величества-то! И обратно. Получается... где-то год нам дороги сапогами пинать. Эту зиму, потом весну, потом лето, потом осень. Долгонько...

– За зимой приходит весна, – глубокомысленно согласился Ли, – а за весной лето. После лета наступает осень.

– Тебе-то хорошо, ты бессемейный, – вздохнул Зой, – вернешься из похода через... через год – кучу серебра получишь; можно и со службы уходить и жить в свое удовольствие. А я... пятеро спиногрызов у меня – мыслимое ли дело?! Домой приду, там шестой горлопан дожидается. Вот и прокорми их...

– Каждая тварь живая жрать хочет, – сказал на это Ли. – А ежели не пожрет, то от голода умирает.

Некоторое время они молчали, шагая посередине улочки.

– А вот его величество, я слыхал, вовсе человеческой еды не ест, – заговорил вполголоса Зой. – Из трав варит зелья и этим питается. А травы те собирает в Темном мире. Оттого его магия и могущественнее, чем магия всех чародеев Шести Королевств вместе взятых. Говорят, никто к нему ближе чем на полдесяток шагов не подходит – даже Серые. Потому как от дыхания его величества даже сильный маг захворать может. А обычный человек и того пуще – помрет...

Впереди послышалось нестройное звонкое клцанье – будто целый отряд ратников вразнобой бил остриями мечей в булыжники мостовой.

– Шестиноги... – остановившись, произнес Зой. – Прямо на нас ведут. Да ты не бойся, говорю! – сказал он, сам едва сдерживая дрожь. – Нас-то демоны нипочем не тронут. Но все равно... Лучше затаиться где-нибудь, а то затопчут, не ровен час... Лишний раз-то лучше на пути не попадаться им.

– Ежели стоять на пути демона, можно пострадать, – присовокупил Ли.

Зой огляделся по сторонам и вдруг присвистнул:

– А вона! – воскликнул он, указывая свободной рукой на висевшую на одной петле дверь. Над дверью помещалась тускло освещенная догорающими факелами вывеска с грубым изображением лошади, у которой почему-то непомерно был раздут живот. Если бы ратники разумели грамоте, они могли бы разобрать и надпись на вывеске: «Брюхатая Кобыла».

– Никак трактир, – сообразил Зой. – Глянь-ка на дверь... Наверняка парни уже это место навещали, а трактирщик, сволочь, видно, решил как раз в это время заведение свое закрыть. Вот теперь пусть на новую дверь раскошелится.

– Подданные Гаэлона обязаны кормить и поить своих защитников, – наставительно заметил Ли.

Караульные поспешно вбежали в «Брюхатую Кобылу», постаравшись плотнее прикрыть за собой дверь – с таким усердием, что вырвали из косяка и вторую петлю. Дверь с грохотом рухнула на улицу, а оба ратника застыли в проходе, наблюдая за шествием тех, с чьей дороги они поторопились убраться.

Впереди процессии следовал заклинатель – маг в длинном сером балахоне и высоком остроконечном колпаке, расписанном диковинными знаками. Поверх балахона маг был облачен в броню из человеческих костей, скрепленных между собой таким образом, что

сохранялся верный рисунок скелета – при взгляде на одетого в такую броню создавалось тошнотворное впечатление, будто человека вывернули наизнанку. Ратники знали, что сухо побрякивавшая костяная броня хоть и не могла, конечно, уберечь от меча или стрелы, зато не позволяла демонам нанести заклинателям какой-либо вред.

На длинной цепи, звенья которой светились в раскрашенной факельным пламенем полутьме белым призрачным сиянием, маг вел странное и страшное создание.

Шестиног напоминал одно из тех поганных насекомых, что, прячась в шерсти или волосах, сосут из живых существ кровь, но размерами превышал раскормленного буйвола. Наползающие друг на друга багрово-черные пластины надежно защищали его округлое продолговатое тулово, которое, покачивая, несли по земле три пары длинных конечностей, оканчивавшихся острыми изогнутыми клинками, похожими на лезвия крестьянской косы. Клинки эти были на вид тонки, но так крепки и остры, что Шестиног при ходьбе раскалывал ими камни мостовой. Монументальное тулово венчала неожиданно крохотная голова, состоявшая из одной только узкой, словно щучьей, пасти. Свисавшие меж кривых зубов длинные нитеобразные щупальца волочились по земле, оставляя на камнях полосы жирной бесцветной слизи.

Зой и Ли, увидев тварь на расстоянии всего двух-трех шагов, непроизвольно попятнулись внутрь помещения.

– Они нас не тронут, – произнес, словно заклинание, Зой. – Капитан нам сколько раз говорил: демоны верным слугам его величества никакого вреда не причинят...

Караульные прекрасно помнили, как в самом еще начале похода – в первый же день – громила-мечник Вак по прозвищу Бык, проигнорировав строжайший приказ не нарушать строя, улучил момент, когда капитан его отряда смотрел в другую сторону, и шмыгнул в придорожные кусты... Вака Быка понять было можно – сожрав в дарбионском трактире что-то не то, он полдня мучился несварением желудка и, упершись в дилемму: навалить в штаны или нарушить приказ – выбрал второе. Вак полагал, что за подобное преступление ему грозит максимум десяток плетей на следующем привале – но вышло не так. Отряд мечников, в котором состоял Вак, замыкал длинную колонну человеческого воинства его величества Константина Великого. Один из заклинателей, ведших следом за отрядом Шестиногов, лениво колыхнул заговоренной цепью, прикрепленной к конечности одного демона... Шестиног, не останавливаясь, повернул пасть в сторону кустиков, за которыми тужился несчастный мечник. Из пасти выстрелили щупальца, и тотчас истошный вопль всколыхнул все растянувшееся по дороге на сотни шагов воинство. Тонкие щупальца, опутав здоровяка Вака, подняли его высоко в воздух – и стиснули... А спустя мгновение с громким хлопанием втянули в узкую пасть, брызжущую во все стороны кровью, разваливающуюся на куски красную тестообразную массу, в которой ослепительно блестели белые обломки костей...

Если кто-то из королевских гвардейцев и помышлял ранее о том, чтобы по дороге самовольно оставить войско, то после этого случая запрятал свое желание куда подальше. Что уж говорить об ополченцах, мужиках из Дарбиона и окрестных городков и деревень. Они не то что бежать –дохнуть лишний раз боялись. Дисциплинированность их объяснялась, конечно, вовсе не тем, что им задаром раздали оружие и по золотой монете... Но через два дня Константин Великий, проходя по землям Каражского графства, присовокупил к своему воинству графа Адрасса Каражского с тремя сотнями пехотинцев и шестью тяжеловооруженными рыцарями. В первую же ночь около сотни пеших ратников и все шестеро рыцарей отчего-то решили, что им не по пути с королевским войском, часть которого составляли жуткие демоны Темного мира, и предприняли попытку тихонько раствориться с темнотой.

Вряд ли кто из них успел отдалиться от лагеря дальше чем на двести шагов. Такая большая группа просто не имела шансов уйти незамеченной. Его величество король Гаэллона

Константин Великий, которому доложили о происшествии немедленно, пустил вслед дезертирам Красных Псов.

Наутро в авангарде королевского войска появилась телега, доверху груженная обглоданными человеческими головами. А в центре чудовищной кучи – отдельно, на копье – была укреплен седовласая, с распяленным в безмолвном вопле ртом башка Адрасса Каражского: именно его примеру, как выяснилось, последовали неудачливые беглецы.

Жуткая эта телега погромыхивала во главе войска по дорогам Гаэлона около двух недель, служа предостережением тем вассалам его величества Константина Великого, чья верность своему государю нуждалась в таких предостережениях... Больше подобных происшествий не было. Правда, после случая с графом Каражским большая часть вассалов короля со своими воинами, присоединившиеся по пути следования войска, предпочитали двигаться хоть и в одном направлении с королевским войском, но по другим дорогам...

Мимо трактира «Брюхатая Кобыла» один за другим прошли пятеро заклинателей – каждый из них вел на цепях по пять демонов. Когда звон костяных клинков о камни утих, караульные переглянулись и одновременно выдохнули.

– Велика сила его величества, если он таких чудовищ в свое воинство привлек. Да славится имя его во веки веков! – осипшим голосом проговорил Зой и сдвинул на затылок свой остроконечный шлем, чтобы вытереть со лба холодный пот.

Ли молча кивнул. Он снова тяжело дышал, будто ему пришлось пробежать сотню шагов с тяжелым копьем на плече.

Караульные не спешили покидать трактир. Промозглый холод и хлесткие пощечины смешанного со снежной крупой ветра ждали их на улице. Черневшие на фоне звездного неба неподвижные и пугающие громадные силуэты Смрадокрылов на крышах домов ждали их...

Ли огляделся по сторонам и сообщил:

– Хорошая выпивка в холодную пору согревает получше медвежьей шубы.

– Золотые слова! – согласился Зой, который, видимо, на время забыл, где они, собственно, находятся.

Они только теперь обратили внимание на то, что зал трактира выглядел так, словно здесь произошло побоище. Из шести укрепленных на стенах светильников горели только четыре, перевернутые столы беспомощно воздевали свои ножки к прокопченному потолку, одна из длинных лавок была сломана пополам, а весь пол усеян глиняными черепками, среди которых тут и там темнели лужи пролитого вина – словно пятна крови, а располагавшиеся над стойкой полки были пусты. Пуст был и опрокинутый набок бочонок в углу зала. Подойдя к нему, Зой шумно принялся.

– Водка грушевая, – трагически молвил он. – Что за люди, а? Нет бы – зачерпнуть сколько нужно и уйти восвояси, так надо еще и бочонок свалить! Только о себе и думают, нет чтобы о своем же брате-воине побеспокоиться.

Ли, соглашаясь, укоризненно поцокал языком.

– И трактирщик – тоже хорош, – добавил Зой. – Наверное, как дверь в его тошниловку выломали, обиделся и наговорил ребятам чего-нибудь эдакого... А должен был наливать и кланяться. Тогда его сарай целехонек остался б... Кстати, куда он подевался, трактирщик-то?

Ли развел руками. Оживившийся вдруг Зой сбегал по скрипучей лестнице на второй этаж трактира и очень скоро вернулся.

– Ни хрена! – объявил он, спускаясь. – Две комнатухи – и обе пустые. Одна, видно, для постояльцев... Хотя какому кретину придет в голову посещать этот дурацкий город? А во второй явно жил сам трактирщик. Только кто-то его пожитки догола выскреб. Слышь, друг! А ты чем столбом стоять – пошарил бы за стойкой. Может, там чего-то и есть... Может, там, – размечтался Зой, – стоит пара бочонков водки. И десяток связок кровавой колбаски лежит...

Ли, прислонив свое копьё к стенке, заглянул за стойку – и обрадованно гукнул.

– Водка?! – закричал Зой. – Или колбаса?

Тучный караульный за шиворот выволок из-за стойки худенького паренька в легкой – уж точно не по сезону – одежде: коротких портках и тесной куртке с продранными на локтях рукавами. Парнишка, пинком вышвырнутый на середину зала, споткнулся об обломок скамьи и замер на месте, затравленно глядя по сторонам. Зой, громогласно выругав оплошность товарища, рванул к зиявшему проему двери, но остановился на полпути: найденыш и не думал бежать из трактира, его заметно трясло, и глаза метались за космами давно не стриженных волос, словно перепуганные птички в зарослях кустарника.

– Попался! – хищно выговорил Зой, вразвалку подходя к пареньку. – Значит, сын здешнего кровопийцы, да? Вместе с папашей в этом коровнике заправляешь, да? Это оттого, что ты вместе с родителем своим честных людей обманываешь, у тебя жир к костям не пристает! – грозно повысил он голос, пристально глядя на паренька. – Это жадность твоя несут светная по телу поганую желчь разливает, гложет тебя изнутри! Как зовут?! – гаркнул ратник прямо ему в лицо.

Тот обхватил себя за плечи – видимо, чтобы хоть немного унять дрожь. И выкрикнул звонким, как у ребенка, полным слез голосом:

– Ризик я, славные господа! Только я не хозяйский сын, славные господа! Прислуживаю я здесь. Ризик – мое имя, славные господа! Ежели не верите, спросите в городе у кого угодно!

– У кого ж нам спрашивать? – усмехнулся довольный произведенным эффектом Зой. – Половина города в леса окрестные сбежала, другая половина по норам своим затаилась – рыла на улицу не кажут. Не хотят, гады, воевать за его величество! И кто там теперь разберет: правду ты говоришь или врешь? Может, никакой ты не Ризик, трактирный слуга, а, скажем... Гаарген Людоед из Лесных Братьев? Или, того хуже, бунтовщик какой-нибудь. Сейчас время такое: бунтовщики и предатели прямо изо всех щелей лезут! Вон граф Каражский – когда нутро свое гнилое показал! А ведь тоже на верность его величеству присягал!.. Где твой хозяин?! – рывкнул снова Зой.

Трактирный слуга Ризик, втянув голову в плечи, залепетал что-то малоразборчивое. Из невнятной этой скороговорки караульные поняли (с некоторым, правда, трудом), что хозяин «Брюхатой Кобылы», Четырехпалый Им, добрейший, умнейший и вообще достойнейший человек, за день до прибытия в Агар королевского войска отправился к своему племяннику в ближнюю деревеньку, нагрузив телегу всем, что могло туда поместиться, а оставшееся имущество оставил на Ризика, строго-настрого наказав ему это имущество оберегать. И пообещал за службу аж шесть медяков, сообщив напоследок, что слухи об ужасных демонах, которых якобы ведет за собой его величество, – недостойная ушей умных людей трескотня. Шесть медяков, конечно, хорошие деньги, уверял ратников Ризик, но ежели бы он знал, с чем ему придется столкнуться, то побег бы в ту деревню впереди телеги трактирщика...

– Значит, – с вполне искренним сожалением вздохнул Зой, – не любит хозяин твой государя нашего, короля Гаэлона его величество Константина Великого. Значит, предатель он! Да и ты, как там тебя?.. Ризик! Служишь не его величеству, а этому мерзкому четырехпалому предателю. Ежели б совесть чиста была, разве ты королевских ратников испугался бы?.. Ежели б всем сердцем его величество любил, разве не поднес бы сейчас бутылку-другую чего-нибудь крепкого тем, кто кровь за тебя на полях сражения проливает? Гад ты такой! Знаешь, что мы с такими делаем? Ну, друг Ли, скажи, что мы с такими делаем?

Ли так вот, с ходу, и не придумал – что.

– Предатели его величества идут на корм демонам, – страшно оскалившись, злоеющим шепотом выговорил Зой. Красноречиво указав в сторону выбитой двери, ратник доба-

вил: – Стоит мне только свистнуть, как сюда сразу десяток тварей сбежится. Легче легкого. Хочешь?

То, что случилось с Ризиком после этих слов, заставило караульных вздрогнуть. Паренек буквально захлебнулся ужасом. Он рухнул на колени и протянул дрожащие руки к Зою. Не в силах говорить, зачмокал посиневшими губами, из глаз брызнули слезы – да такие обильные, что мгновенно залили все лицо.

– Эге, – сказал Зой.

– Демонов его величества все боятся, – сообщил Ли. – Но кто верно его величеству служит, тому бояться демонов не стоит. Так наш капитан говорит.

– Ну ладно, ладно... – потрепал Зой Ризика по плечу. – Ты не очень-то... Мы ж еще не того... Мы только предателей демонам бросаем, а с тобой ничего пока не решили. Может быть, ты и не предатель вовсе, а честный подданный великого Гаэлона. Скажи, друг!

– Ежели нет, тогда – нет, – глубокомысленно проговорил Ли. – А уж когда да, тогда – да.

– Во! – кивнул Зой. – Сейчас мы и посмотрим, каков ты. Верный ты слуга его величества или нет... – Ратник наклонился к коленопреклоненному Ризику и доверительно спросил: – Водка где?

– Нету... – шепнул паренек. – Ваши приходили, все, что было, изволили выпить. И мне еще по шее настучали за то, что мало... А сами бочонок опрокинули...

– Та-ак! – снова посуровел караульный. – Вот теперь я вижу, каков ты на самом деле! Должно быть, твой хозяин ни в какую не в деревню драпанул, а к самому сэру Эрлу! И ты тоже хотел – сам же говорил, – да не успел только!

– К племяннику он поехал!.. – в отчаянии зарыдал Ризик. – Клянусь Светоносным Вайаром и Нэлой Милостивой – к племяннику! А я тута остался! Я про этого сэра Эрла и знать не знаю!

– А вот это врешь, – мотнул головой Зой. – Кто ж про сэра Эрла не знает? Про предателя этого поганого все знают.

На улице, где-то недалеко от трактира, пронзительно заорал Смарадокрыл. И, отзываясь, еще несколько тварей вонзили в черное небо копыта отвратительного скрежещущего клекота.

Ризик едва слышно ойкнул. Зой и Ли побледнели. Впрочем, Зой довольно быстро справился с волнением.

– Слыхал? – нахмурился он в сторону Ризика. – То-то! А ты думал, мы с тобой здесь шутики шутим? Последний раз спрашиваю: где водка?

– Нету больше, добрые господа... – простонал паренек. – Хотите, землю есть буду, чтобы поверили?.. – И он прижался лбом к грязному полу и раскрыл рот, будто на самом деле хотел впиться зубами в одну из досок, которыми выложен был пол.

– Да не может быть, чтобы они все выпили! – с тоской проговорил Зой. – То есть... Не может быть, чтобы такой юный, такой славный юноша оказался таким закоренелым бунтовщиком!

– Которые бунтовщиков покрывают, сами бунтовщики и есть, – заявил Ли. – А которые есть бунтовщики – повинны смерти.

– Я тебя не виню, парень, – вздохнул Зой, похлопав Ризика по плечу, – видно, решил зайти с другой стороны. – Ты еще малец и многого не понимаешь. А тут, в трактире, люди разные попадают. Небось наслушался всякого этакого... вот и мысли в твоей башке несмысленной неправильные появились. Сэр Эрл: он-то до-о-олго доблестным рыцарем, верным королевскому трону, прикидывался, а сам со своими дружками принцессу выкрал из Дарбионского дворца и смуту затеял, желая престол захватить... И теперь гонцов рассылает из своих Серых Камней во все стороны: народишко смущает, всякие вредные небылицы велит гонцам рассказывать... А народишко и рад стараться, дрянь всякую повторять. Ну мы-

то ничему такому не верим, мы своего капитана слушаем, а он нам разъясняет, как все на самом-то деле... Может, ты какого смутьяна слушал? А? О чем тут в трактире вашем говорили?

– Го... говорили, – всхлипнул Ризик. – Разное говорили... Правда ваша, добрый господин! Что сэр Эрл великую силу в Серых Камнях собрал, говорили... Что принцессу вовсе никто не украдывал, а она сама сбежала от его величества, потому что его величество, он... Он... срамно повторять... старого короля уморил! И он... страшно вымолвить... даже совсем не человек. То есть когда-то был человеком, а теперь – нет...

Зой всплеснул руками и сокрушенно покачал головой, словно хотел сказать: «Ну вот, я так и думал...»

– Еще говорили, – беспрестанно всхлипывая и сглатывая, глядя на караульных преданными глазами, продолжал лепетать паренек, – что многие из знатных сторону сэра Эрла принимают... А все из-за того, что, мол, Высокий Народ за сэра Эрла стоит... И в битве с Его Величеством Высокий Народ сражаться будет вместе с бунтовщиками...

Зой усмехнулся. Ли, глядя на товарища, тоже колыхнул тугим животом и гулко хохотнул. Но близкий клекот Смарадокрыла оборвал их веселье.

– Брехня! – нервно оглянувшись на дверь, выпалил Зой. – Чтоб Высокий Народ мятежников и предателей поддерживал? Брехня это, так нам капитан говорил. А тебе, малец, такие вредные разговоры не надо было слушать. А надо было сразу за городской стражей бежать.

– А я и не слушал! – высветивая в глазах отчаянную искренность, воскликнул Ризик. – Клянусь Сияющей Дланью Светоносного, не слушал! Я ж ведь... За его величество я жизнь готов отдать!

– Вот! – Зой положил руку пареньку на плечо. – Это слова умного и честного человека. Жизнь отдать – это хорошо. А выпивку отдать – всю-всю, которая есть, – это еще лучше...

Ризик прижал руки к груди и открыл рот. Но что он собирался сказать, караульные так и не узнали: на улице оглушительно и страшно заклекотали Смарадокрылы – словно все сразу. Их резкие вопли, острые, будто зазубренные костяные иглы, пронзали стены трактира.

Потом что-то громко и сухо треснуло над головой троицы – будто на крышу упал громадный валун. Сор и труха посыпались из потолочных перекрытий. Гвардейцы произвольно присели, а Ризик так и вовсе распластался на полу, закрыв голову руками. Клекот Смарадокрылов, все не прекращающийся, разрывающий слух, вдруг начал полосоваться тонкими ударами непонятного свиста, от которого в головах у караульных задрожали и зазвенели набухшие кровью сосуды. И свист этот наполнил гвардейцев безотчетным упругим страхом, мгновенно выкинувшим их из трактира.

Зой опомнился в нескольких десятках шагов от «Брюхатой Кобылы». Он остановился, тяжело дыша, оглушенный и полуобезумевший, и задрал голову. В черном небе метались громадные бесформенные тени; а меж этих теней скользили, появляясь и исчезая, яркие отблески, похожие на вспышки невероятно толстых молний. Где-то вдалеке над крышами домов Агара сверкнули от земли к небу огненные струи.

В лицо Зою вдруг ударила стрела свиста. Он моргнул – а когда открыл глаза, то увидел, что сверху по стремительной дуге на него несется странное невиданное существо, размером чуть меньше отвратительного Смарадокрыла. Зой смотрел на существо лишь мгновение, но каким-то непостижимым образом за это короткое время успел хорошо его разглядеть. Существо имело острую волчью морду – из зубастой пасти и рвался пугающий свист, – длинное, подобно змее извивавшееся туловище, покрытое крупной чешуей, и мощные крылья, точно выкованные из какого-то невиданного металла: перья сверкали голубовато-серебряными отточенными клинками. К широкой чешуйчатой груди тварь прижимала передние конечности, очень напоминавшие мускулистые человеческие руки.

«Горгулья... – качнулось в голове караульного. – Настоящая живая горгулья! Но как?..»

Зой был изумлен, увидев воочию существо из древних легенд, одно из тех созданий, которые в Шести Королевствах считались если не плодом воображения сказочников и менестрелей, то, по крайней мере, давным-давно исчезнувшими с земель, населенных людьми. Но более всего Зоя поразило то, что горгулья несла на себе всадника.

Всадник этот выглядел как человек, но караульный почему-то сразу понял, что человеком всадник быть не может. Лицо его закрывала светящаяся маска, и очень длинные зеленые волосы летели вслед тяжело колыхавшимся шлейфом. Необычно крупное тело всадника, выглядевшее тем не менее изящным и пропорциональным, облегла броня, светившаяся таким же холодным ровным светом, как и маска. В руках всадник держал короткий жезл, один конец которого изумрудно искрился.

Зой вскрикнул, попятился. Наткнувшись на кого-то, стоящего позади него, гвардеец упал навзничь и зажмурился.

Крылатое существо пронеслось над ним, обдав ледяным потоком воздуха. В этот самый момент что-то сочно клацнуло, и на лицо Зоя плеснуло горячим и соленым.

Он вскочил на ноги, тут же краем сознания отметив, что копья при нем нет – должно быть, забыл оружие в трактире. Оглянувшись назад, Зой увидел, на кого он мгновение назад наткнулся.

Толстяк Ли стоял, покачиваясь, растопырив безоружные руки в разные стороны. Широко открытые его глаза были пусты, рот пульсировал, словно караульный пытался выговорить какое-то слово, но у него не хватало на это дыхания. Шлема на Ли не было. Собственно, отсутствовал не только шлем – зубастые челюсти горгульи отхватили гвардейцу макушку. Из развороченного черепа на брови Ли ползло исходящее паром безжизненно-белое месиво мозгов. И из этого месива, быстро окрашивая его, били далеко вверх струи черной крови.

– На то и война... чтобы ратники погибали... – выговорил Ли последнюю в своей жизни прописную истину и, не сгибая коленей, подобно подгнившему дереву, повалился набок.

Позади Зоя слышались крики и топот. Он обернулся: истошно вопя, неслась по улице, быстро к нему приближаясь, большая группа людей. Стараясь ни о чем не думать, гвардеец побежал вперед. Несколько раз он спотыкался и падал – ноги его отчего-то сделались мягкими и непослушными, словно из них вынули кости, – и очень скоро толпа нагнала его.

Небо над Агаром исходило пронзительным клекотом и оглушительным свистом, но Зой, который, задыхаясь, ударяясь локтями о чужие локти, бежал в толпе, не смотрел в небо. И кажется, никто из бегущих рядом не смотрел. Привыкшему за долгие годы службы исполнять приказы и делать то же, что делали другие, Зою сейчас, в людской толпе, стало легче. Ему показалось даже, что паническое их бегство имеет какой-то смысл; вроде стоило только достичь того места, куда они бегут, и все будет в порядке.

Острый свист хлестнул по толпе, и она заколыхалась сама в себе, погасив скорость движения. Зой остановился. Его толкнули раз-другой, но он устоял на ногах.

И поднял глаза вверх.

Над крышами окрестных домов бешено кружились друг вокруг друга Смрадокрыл и горгулья, несущая всадника. Вот они разлетелись в разные стороны – и тут же снова сшиблись в схватке... которая оказалась совсем недолгой.

Зой увидел, как Смрадокрыл, скользя под противником, ударил ему клювом в основание крыла, выбив сноп сверкнувших сталью перьев. Горгулья метнулась вбок и вверх, остроконечным змеиным хвостом разнесла в мелкие осколки печную трубу, и тогда ее всадник взмахнул искрящимся жезлом. Изумрудные искры вмиг потемнели и отяжелели, превратившись во множество необычайно крупных черных пчел. Горгулья взмыла вверх, почти сразу

же пропав из поля зрения караульного, а пчелиный рой с громким гудением окутал замешкавшегося демона – точно спрятал его в мешок.

Смрадокрыл, отчаянно клекоча, забился в этом мешке, ринулся куда-то – явно наугад – и с чудовищной силой врезался в каменную стену ближайшего дома. Громадное тулово демона пробило в стене порядочную дыру, откуда выплеснулся испуганный женский визг. А Смрадокрыл рухнул на мостовую, перегородив улицу всего в нескольких шагах от застывшего на месте Зоя.

Караульного окатило волной ужасной вони.

Смрадокрыл еще дергался, но это были предсмертные конвульсии. Мешок, пленивший его в воздухе, растаял: каждая из черных пчел, нанеся последний удар – они пронзали тело демона, вылетая с другой стороны, будто иглы, прошивающие кусок полотна, – взвилась вверх, туда, где снова появилась горгулья со своим всадником. Всадник свесился к земле, опустив жезл. Черные пчелы, мгновенно уменьшившись, втянулись в жезл, который вновь вспыхнул изумрудными искрами.

Истекая белесо-зеленой слизью, Смрадокрыл медленно оплывал на ночной мостовой, словно гигантский кусок масла на солнцепеке; спустя всего два удара сердца от него осталась только воняющая гнилью лужица. Крылатый демон покинул мир людей.

Зой встряхнул головой, тут же обнаружив, что на ней нет шлема. И, повернувшись, пошел, пошатываясь, подальше от останков Смрадокрыла. Пошел, а потом побежал.

В небе клекотало сражение. Горгульи, управляемые своими всадниками, атаковали крылатых демонов Темного мира, а демоны, ужасные и несокрушимые Смрадокрылы, гибли один за другим, обрушивались сверху на городские строения, проламывая крыши, давя представших в домах людей... Странно, но Зой больше не чувствовал страха. Отчего-то ему казалось, что бой страшилищ ничем ему не угрожает. Потому что это был бой не людей, а – тварей. Гибель товарища как-то вылетела из его сознания. Единственное, чего желал сейчас Зой, – найти своих. Уж капитан-то все разъяснит, тут же одним коротким рыком прикажет ему идти куда нужно. И тогда все станет ясно и понятно.

Повернув за угол, Зой внезапно наткнулся на десяток лучников, вокруг которых, размахивая мечом, топал подкованными сапожищами рыжебородый ратник. Лучники и их командир не принадлежали гвардии его величества короля. По сине-желтым накидкам Зой распознал в них наемников из отрядов барона Иструба, присоединившегося к королевскому войску неделю назад. Тем не менее этой встрече обрадовался Зой безмерно.

– Братцы! – заорал Зой. – Эгей, братцы!

Лучники даже не посмотрели в его сторону. Понукаемые рыжебородым, они бестолково топтались на месте, то и дело натягивая тетиву своих луков в тщетной надежде поразить стрелами молниеносно пролетающих над ними горгулий. В тот момент, когда Зой побежал к ним вплотную, одному из лучников это удалось. Выпущенная им стрела нырнула куда-то под крыло показавшейся над улицей горгулье. Вряд ли страшилище почувствовало эту стрелу, но, на беду стрелявших, на них обратил внимание зеленоволосый всадник.

Заложив над лучниками крутой вираж, он расслабленно всплеснул рукой – словно стряхивая с ладони что-то к ней приставшее – и помчался дальше.

Хрустальный звон наполнил воздух. Над людьми закружился вихрь удивительных полупрозрачных пластинок, формой напоминавших стрекозиные крылья. Опускаясь к земле, эти «крылья» увеличивались в размерах и вращались все быстрее и быстрее. Изумленный Зой увидел, как одно «крыло» отсекло голову рыжебородому, пройдя сквозь плоть так легко, словно не встретило на своем пути никакого сопротивления.

Рыжебородый погиб первым. Когда все «крылья» улеглись на мостовой, отряд лучников перестал существовать, превратившись в ровно нарубленные куски кровавого мяса, разбросанные по улице.

Зой осознал, что сидит на холодных камнях.

«Живой? – ошеломленно подумал он. – Живой!»

Он попытался встать, но тут только заметил, что ног у него нет. Отсеченные выше колен, они валялись в двух шагах от того места, он где «сидел». Хрустального звона копейщик королевской гвардии больше не слышал. И грохота небесного боя тоже – только громкое журчание крови, хлещущей из зиявших сосудов. Невероятная слабость наполнила тело Зоя. Он опрокинулся навзничь. Уже не черное, а начинающее синеть небо качнулось в его глазах. И было то небо чистым, только беззвучно и редко полыхали над городом оранжево-красные молнии.

«Сражение закончено?.. – без удивления удивился Зой. – Сколько же оно длилось... меньше четверти часа? А молнии... Что за молнии?..»

А потом гвардеец подумал о том, что почему-то не пришло ему в голову в тот миг, когда он впервые увидел горгулью и ее всадника.

«Высокий Народ... Высокий Народ сражается вместе с людьми... На стороне сэра Эрла бьются эльфы...»

Зой закрыл глаза и больше уже ни о чем не думал, ничего не слышал и ничего не видел.

Глава 2

Ветра не было совсем, но туман над болотом перекашивался неслышными волнами, то заволакивая пространство непроглядной молочной пеленой, то вдруг обнажая торчащие над бурой ряской косматые кочки.

Над одной такой кочкой поднялась узкая морда черной гадюки. Змея стрельнула из пасти острым раздвоенным язычком – раз, другой, третий; втягивая в ноздри сырой воздух и почуяв что-то, тревожно замерла.

И тут же на нее сверху обрушилось тяжелое тело, но за долю мгновения до шумного всплеска гадюка успела пружинно разогнуться и юркнуть под ряску.

Потерпевший неудачуловец медленно поднялся на ноги и зло сплюнул. Жидкая грязь ручьями сбегала с его добротных кожаных доспехов, чисто выбритое лицо было сплошь в черных потеках, а к голой голове, по которой, видно, тоже совсем недавно погуляла отточенная бритва, к самой макушке, пристал торчащий задорным хохолком травяной пучок.

– Гад-дина, – проскрежетал зубами ловец, отирая лицо от грязи.

Был он очень молод, но не по возрасту высок и широк в плечах – настоящий великан. На пояском его ремне висел массивный нож, напоминавший больше короткий меч, а в наспинной перевязи был укреплен топор – обыкновенный топор лесоруба, но с неожиданно длинной рукоятью, каковые чаще изготавливают для топоров, предназначенных не для валки деревьев, а для боя.

Из непрестанно колышущейся пелены туманных волн вышел к ловцу худощавый подросток, вряд ли видевший за всю свою жизнь более пятнадцати зим. Соломенные волосы его торчали во все стороны, а на белом лице выделялись большие темные глаза, как-то необыкновенно ясно лучившиеся, словно паренек видел в этом тусклом мире не то, что есть на самом деле, а что-то другое – прекрасное и удивительное. Сильно изношенная одежда паренька пестрела многочисленными заплатами, а ноги его были босы. Оружия парнишка не имел никакого, зато был нагружен двумя мешками, висевшими на его плечах на тонких ремнях. Левый мешок был набит под завязку, и в нем со скользким шуршанием что-то шевелилось. Мешок на правом плече был почти пуст. Подойдя к здоровяку ближе, подросток сдвинул брови и сочувственно покачал головой.

– Что?! – не оборачиваясь, рявкнул ловец.

– Ты злишься, брат Оттар, – ровно констатировал паренек. – И злость мешает тебе видеть и слышать. Чтобы контролировать мир вокруг себя, нужен спокойный разум – так говорят все Мастера.

– Слушай ты... брат Атка, – Оттар резко развернулся к собеседнику и глянул ему прямо в лицо сузившимися глазами, – а твои Мастера не говорили тебе, что босоногий недоросток должен с почтением разговаривать с рыцарем Братства Порога? И уж никак не должен поучать его?!

Этот малец здорово раздражал здоровяка – своим неподходящим возрасту уверенным спокойствием, а главное, манерой говорить. Парнишка вел с ним беседу словно бы на равных, да еще изъяснялся так ровно и гладко, так верно и точно подбирал слова, как не всякий взрослый сможет. И бритоголовый верзила невольно чувствовал себя рядом с ним неотесанным деревенским увальнем.

– Тебе нужна помощь, – спокойно ответил тот, кого здоровяк назвал Аткой. – Здесь, на Туманных Болотах, брат всегда помогает брату.

– Я не нуждаюсь в твоей помощи!

– Велика опасность, что змее удастся укусить тебя. Кто тогда натрет рану целебным отваром?

– Отдай мне отвар и можешь проваливать. Сам справлюсь.

– Мастер Кулла велел мне сопровождать тебя, брат Оттар, а я не могу ослушаться Мастера.

Оттар, стирая грязь, провел ладонями по макушке, зацепил приставший к ней травяной пучок, покрутил его в руках и швырнул в сторону... и с раздражением еще раз плюнул туда, куда тот упал.

– Я ведь говорил тебе, брат Оттар, как правильно ловить гадюк, – продолжал тем временем Атка. – Надобно сначала отвлечь змею. Если гадюка увидит нечто, что ее насторожит, ей уже будет трудно отвести взгляд от этого. Вот тогда-то и следует бросаться на нее. Но так ловят змей только новички. Когда-то и я так ловил... до того, как попал в Укрывище близ Болотной Крепости Порога... По-настоящему ты усвоишь урок тогда, когда честно победишь черную гадюку в ловкости. Рыцарь-болотник должен двигаться быстрее змеи.

– Там, откуда я родом, – процедил Оттар сквозь зубы, – далеко-далеко отсюда, на севере, в Утурку – Королевстве Ледяных Островов, парни твоего возраста не унижаются до того, чтобы скакать по кочкам за скользкими гадами... Они – наравне с опытными воинами – рыщут по Вьюжному морю в поисках добычи. И сражаются, поверь мне, не на деревянных мечях, а на самых настоящих. Я был еще младше тебя, когда вошел в Северную Крепость Порога. Мне было столько же лет, сколько тебе, когда я сразил свою первую Тварь. А ты, брат Атка... видел ли Тварь Порога своими глазами?..

Если Атка и прочел иронию в словах северянина, то никак на нее не отреагировал. Он просто ответил на вопрос:

– Нет, брат Оттар, я не видел Тварей Порога. Я еще слишком слаб и неопытен, чтобы войти в Болотную Крепость. Как и ты, брат Оттар, я еще должен многому научиться.

– Научиться?! – прорычал Оттар. – То, чем мы занимаемся в Укрывище, ты называешь учебой? Сначала ловили в кулак мух, теперь вот – ловим змей... Дальше что? Прыгать за птицами?! Я – рыцарь Братства Порога! – загремел северянин. – Я сражался с Тварями, приходящими из-за Северного Порога, из этой жуткой трещины нашего мира, открывающей проход в мир другой, чужой и страшный! Я сражался с Тварями и побивал их! Я сокрушил Серого Подледника, Темного Рогача и Мечника Из Глубин! Я был избран Магистром Ордена Северной Крепости для службы в Дарбионском королевском дворце! Я стал одним из трех Рыцарей Порога, призванных защищать жизнь ее высочества принцессы Литии!.. Я бился с предателями трона, убийцами его величества короля Ганелона! Я и двое моих братьев-рыцарей вывели принцессу из захваченного врагом Дарбионского дворца! Я и брат Кай, мы вдвоем – сопровождали ее высочество в долгом путешествии через весь Гаэлон, сражаясь с псами короля-мага Константина, будь проклято это имя во веки веков! И мы доставили принцессу на Туманные Болота, откуда поганому колдуну ее вовеки не вырвать! – Оттар замолчал на мгновение, чтобы набрать в грудь воздуха для очередной тирады.

Атка ждал продолжения речи. По лицу паренька совсем не было заметно, что перечисление подвигов северянина его хоть немного впечатлило.

– И ежели ты, щенок, еще раз позволишь себе поучать меня, – выпалил Оттар, – клянусь Андаром Громобоем, я закачу тебе такую оплеуху, что ты будешь кувиркаться через все Болото!

– Я слышал о твоих подвигах в Северной Крепости и в Большом Мире, брат Оттар, – примирительно заговорил Атка. – Но если Магистр Скар решил, что тебе еще рано войти в Болотную Крепость, значит, так оно и есть.

Последняя фраза, произнесенная Аткой, подействовала на Оттара как лохань ледяной воды – он мотнул головой и забормотал что-то под нос, остывая.

– Скоро стемнеет, брат Оттар, – сказал еще Атка. – А у тебя в мешке только три змеи. Нужно спешить, иначе ты не принесешь в Укрывище десяток. Придется завтра снова выхо-

дить на Гадючью Лужу... А если и завтра не принесешь – так и на следующий день идти. А Гадючья Лужа через неделю-другую начнет замерзать, и змеи спрячутся в своих норах до самой весны...

Северянин без слов развернулся и пошел сквозь туман. Первые два его шага прозвучали громкими всплесками в стрекочущей болотной тишине, потом Оттар, видимо окончательно взяв себя в руки, стал ступать тихо. Атка двигался вслед за ним совершенно бесшумно.

Слова паренька о Магистре Скаре подняли со дна сознания Оттара воспоминания о том часе, когда они – сам северянин, болотный рыцарь сэр Кай и принцесса Лития, – прибыв на Туманные Болота, вышли к Укрывищу.

Тогда, только увидев выступившие из тумана теснившиеся друг к другу низенькие крытые тростником хижины, ее высочество обернулась к Каю и удивленно спросила:

– Это и есть ваша Крепость, сэр Кай?

– Это Укрывище, – отрывисто ответил болотник. – Здесь живут охотники и земледельцы. Здесь Мастера обучают юных воинов.

С момента, как они оказались на Болоте, лицо Кая стянуло ледяной непроницаемой маской. Он почти не разговаривал, лишь отвечал на вопросы товарищей. И сейчас он шагал мерно и твердо, коротко кивая приветствовавшим его людям. Чудесные доспехи болотника при каждом его шаге матово переливались беззвучной тяжелой чернотой. Меч с рукоятью в виде головы виверны тонко лязгал о набедренную пластину. Принцесса и северный рыцарь с головы до ног забрызганы были вонючей болотной жижей, а к доспехам Кая грязь не приставала.

Обитатели Туманных Болот почти не пользовались изделиями из металла. Ядовитые испарения быстро превращали металл в ржавую труху. Доспехи, оружие, кухонную утварь, даже дверные петли болотники изготавливали из костей, шкур и панцирей уничтоженных ими Тварей. И по традиции Болотной Крепости всякий рыцарь-болотник ладил себе доспехи из частей чудовища, сраженного им самим. Доспех Кая был изготовлен из панциря Черного Косаря – ужасной Твари, которую невозможно было убить, которую можно было только попытаться убить. Человеческое оружие не могло повредить Черному Косарю. Любое заклинание стекало с панциря Твари, как вода. Самый грозный мороз не в силах был заморозить броню Косаря, самое жаркое пламя не могло нагреть ее. Эти Твари были легендой Туманных Болот. Они приходили и уходили, когда им вздумается, оставляя за собой мертвых болотников. За всю историю Болотной Крепости лишь четверем рыцарям удалось убить такую Тварь. Но никто из них так и не смог понять – как. Рыцарь Болотной Крепости Порога сэр Кай стал пятым болотником, сразившим Черного Косаря...

Среди хижин показались люди: дурно одетые и невооруженные, они приветствовали путников.

Появление рыцарей и принцессы близ Болотной Крепости не было для болотников неожиданностью. Спускаясь вниз по течению Горши, которой дают начало грохочущие водопады, низвергающиеся с Синих гор, путники нагнали двух рыцарей-болотников, возвращавшихся домой (защитники Болотной Крепости очень редко, но навещали Большой Мир, чтобы добыть муки, полотна, драгоценных камней, необходимых для изготовления амулетов и прочего – того, чего невозможно отыскать или произвести на Болоте). Они разбили общий лагерь на берегу Горши и ночь провели за разговорами. Тяжелы были тюки, которые везли с собой рыцари Болотной Крепости, но еще тяжелее оказались вести, что принесли трое путников из Дарбиона, столицы великого Гаэллона... Вести о том, что его величество Ганелон Милостивый погиб от рук гнусных заговорщиков, во главе которых стоял невесть откуда взявшийся маг по имени Константин и предатель короля – архимаг Сферы

Жизни, член Ордена Королевских Магов – Гархаллокс. О том, что могущество этого Константина неизмеримо, так как черпает он его от Блуждающего Бога, Великого Чернолицего, Убийцы Из Бездны, Последней Упавшей Звезды, горбатого Ибаса, сына Светоносного Вай-ара и Нэлы Плодоносящей. О том, что Константин короновал себя на престол Гаэлона, а его соратники действуют в столицах всех Шести Королевств, стремясь низвергнуть законную власть и там. О том, что маг-узурпатор Константин намеревается, захватив соседствующие королевства, создать единую великую Империю, равной которой еще не было в истории мира... Услышали рыцари-болотники еще о том, что не все сыны Гаэлона в трепете склонили головы перед узурпатором: на дальних рубежах королевства феодалы не признают власти Константина, да и в центральных землях Гаэлона начинает бурлить кровавый котел смуты, а в Серых Камнях Огров тамошние рыцари во главе с сэром Эрлом Сантальским, рыцарем Ордена Горной Крепости Порога, собирают силу, чтобы дать бой незаконному захватчику королевского престола. Рассказали путники еще о том, что Константин, именующий себя Великим, с многочисленным войском идет на Болотную Крепость: чтобы вернуть себе королевскую дочь, ее высочество принцессу Литию, брак с которой упрочил бы его положение на троне...

С рассветом болотники продолжили свой путь, а Оттар, Кай и Лития вынуждены были задержаться еще на день – все же трудно далось принцессе путешествие по бурной Горше. Расставаясь с болотниками, Оттар не заметил на их лицах тревоги и скорби; рыцари были спокойны. Ибо нет нужды рыцарям Болотной Крепости Порога тратить силы на ненависть и печаль. Силы слишком нужны для действий.

В Укрывище к принцессе обращались особо и должным образом – приближаясь к ней, преклоняли колени и почтительно проговаривали слова приветствия. Оттар с любопытством разглядывал обитателей Укрывища. Некоторое разочарование, которое он испытал при виде людей, шлепающих по жидкой грязи – более похожих на обыкновенных крестьян, чем на суровых защитников человечества от Тварей, приходящих из-за Порога, – понемногу таяло. С жителями Туманных Болот было что-то не так – почувствовал Оттар. Он смотрел на них, кивал им, механически здоровался, когда его приветствовали, а сам пытался догадаться, в чем же дело... Понимание пришло неожиданно. Северянин вдруг осознал, что не видит на лицах и в глазах людей Укрывища ни следа страха, подозрительности или враждебности. Они встречали его – совершенно незнакомого им человека – открыто дружелюбно: как родня встречает после долгой разлуки своего, родного, от которого нечего ждать чего-нибудь нехорошего. Осознав это, Оттар хмыкнул и, ища поддержки затеплившемуся в груди чувству благодарности, оглянулся на Кая.

Болотник, ни на кого не глядя, медленно шел меж хижинами Укрывища, туда, где сквозь туман маслянисто поблескивало черное зеркало неподвижной воды.

Они вышли к берегу небольшого круглого озера – и тогда им открылась Крепость, располагавшаяся на острове посреди мертвой воды.

И вновь Оттар удивился: Болотная Крепость Порога оказалась не такой уж большой, как он мог себе представить, – Северная Крепость Порога превышала ее размерами почти что вдвое. Но невысокие стены, сложенные из громадных серых камней, производили впечатление чрезвычайно прочных; и на мощных сторожевых башнях ровно и ярко пылали костры, разгонявшие мутный темный туман. Северянину вдруг почудилось, что вовсе не крепость перед ним, а громадный каменный пес, который, почуяв что-то, настороженно припал к земле. Наваждение было таким сильным, что Оттару пришлось дернуть себя за косу и помотать головой, чтобы мираж рассеялся. И тогда северянин увидел на пологом озерном берегу троих рыцарей. Подойдя ближе, он и Кай поклонились им, прижав правую руку к груди.

Странен был вид этих рыцарей.

Стоявший слева был высок и худ. Доспехи его отливали ядовито-лиловым: нагрудный панцирь щетинился тонкими, но явно очень острыми шипами; на подвижных сочленениях локтей и коленей шипы были длиннее и толще, а на плечах – угрожающе изгибались, точно звериные когти. Огромный, неправильной пятиугольной формы щит громоздился за спиной рыцаря, меч с рукоятью в виде головы виверны висел у левого бедра. Лиловый шлем с забралом в виде разверстой зубастой пасти украшали зазубренные иглы, торчавшие на месте плюмажа. За частоколом клыков забрала Оттар разглядел сухое и темное старческое лицо, до крыльев носа утопленное в аккуратно расчесанной белой бороде.

Стоявший справа был тяжел и кряжист. Серые его доспехи напоминали изборозженную глубокими морщинами окаменелую кору древнего дерева. В причудливом переплетении морщин нельзя было разобрать, в каких местах и каким образом соединялись латные пластины. Шлем этого рыцаря наглухо закрывал лицо, оставляя только две узкие прорези для глаз и для рта. Двуручный меч, укрепленный за спиной, высоко поднимался над плечами рыцаря: на рукояти двуручника свирепо скалилась виверна, а клинок был темен и сер – будто вырезан из тяжелого камня.

Рыцарь, стоявший в центре, был могуч и статен. Шлема на нем не было, и Оттар мог видеть выбритую дочи́ста мощно вылепленную голову мужчины, разменявшего седьмой десяток, но нисколько не согбенного старостью. Доспехи из белых – на вид костяных – пластин ладно укрывали большое и сильное тело рыцаря, два коротких меча с широкими клинками и головами виверн на рукоятках по обе руки крепились к поясу, на котором поблескивало еще несколько кривых метательных ножей.

Северянин тогда неожиданно поймал себя на мысли, что в любом другом месте эти трое выглядели бы... дико и, пожалуй, смешно. Но здесь, на этих Туманных Болотах, где из-под вязкой земли поднимается душный смрад; где деревья редки и уродливы, точно клубки окостеневших змей; где ночами в черном далёке косматые кочки вспыхивают пугающим голубым пламенем; где царствует мутный туман, никогда не пропускающий самого тонкого солнечного луча; где в сыром воздухе навечно растворена гнетущая опасность того, что Твари из-за Порога прорвутся через дозоры рыцарей-болотников, прорвутся через Крепость, – здесь эти трое смотрелись... как надо. Как крутобокие шнеки, такие нелепо-неуклюжие на суше, смотрятся в бушующем перехлесте волн Вьюжного моря.

И Оттар, разглядывая рыцарей-болотников, вдруг понял: Туманные Болота – это особый, ни на что не похожий мир. Те законы бытия, к которым он привык за свою жизнь, здесь попросту не действуют. Эта мысль, вспыхнувшая ярко, очень быстро стала гаснуть. И совсем другие, никак не перекликающиеся с ней мысли побежали в голове северянина.

«Интересно, когда начнется пир по поводу нашего прибытия? – подумал юный великан. – И чем угощать будут? Сомневаюсь, что пиво, которое здесь варят, так же вкусно, как в Дарбионе... А может, тут вообще пива не пьют? Может, тут отваром из лягушек сердце веселят...»

Тем временем могучий старик преклонил колени перед принцессой. Двое других болотников, сняв шлемы, последовали его примеру. Рыцарь в лиловых доспехах оказался одноглаз – его лицо пересекала темная повязка.

– Меня зовут сэ́р Скар, ваше высочество, – неожиданно мягким голосом проговорил старик. – Волею его величества короля Гаэлона Ганелона Милостивого – я Магистр Ордена Болотной Крепости Порога. Это старшие и лучшие рыцари моего Ордена. Сэр Герб...

Седобородый склонился еще ниже. А Оттар отметил, что лицо Кая дрогнуло, когда Магистр произнес это имя. «Герб! – вспомнил северянин. – Это же тот самый старик, о котором рассказывал Кай! Старый рыцарь-болотник, нашедший Кая в Большом Мире еще несмышленным мальчишкой и приведший его на Туманные Болота... Первый учитель и наставник Кая!» Оттар с любопытством уставился на рыцаря в лиловых доспехах. По рас-

сказам юного болотника он представлял себе Герба таким древним исполином, более похожим на сурового воителя-полубога из детских сказок, чем на обыкновенного человека. Сейчас же, столкнувшись с этим Гербом лицом к лицу, северянин увидел сухопарого мужчину преклонных уже лет, в облике которого не было ничего особенного.

– И сэр Равар, – закончил Магистр Скар.

Принцесса со страхом взглянула на сэра Равара. Лицо рыцаря, носящего это имя, было жутко изуродовано: левая щека отсутствовала; на ее месте темнела начавшая уже по краям затягиваться нежной голубоватой кожей дыра, в которой были видны покрытые черными язвами десна и коренные зубы. Кроме того, вместо левого уха у рыцаря топорщилась какая-то сморщенная красная лепешка. А на горле, под подбородком, виднелись едва поджившие следы чудовищных чьих-то когтей. Судя по бледности лица и скорбно-синеватым подглазьям, доспехи сэра Равара скрывали и другие, более серьезные раны.

– Видать, нынче нескучно у вас, – грубовато отметил Оттар. – Тем лучше – давно уже у меня не было хорошей драки.

– Сэр Оттар, – представил Кай северянина каким-то не своим, ломаным голосом. – Рыцарь Северной Крепости Порога.

– Я счастлив видеть тебя, сэр Оттар, – проговорил Магистр Скар, поднимаясь на ноги. – Но твои опасения напрасны. Сезон, когда Твари наиболее свирепы, еще далеко. Сейчас близ Порога относительно спокойно.

Что ответить на это, Оттар не нашелся. Северный рыцарь поскреб свою прозрачную юношескую бородавку и глупо хмыкнул.

– Весть о том, что нашему Ордену выпала честь принимать у себя дочь короля Гаэлона, наполнила мое сердце радостью, – продолжал Магистр, обращаясь уже к принцессе. – Уверю вас, ваше высочество, каждый человек, живущий на Болоте, почтет величайшей милостью, если вы позволите ему оказать вам хоть малейшую услугу.

– Вы очень любезны, сэр Скар, Магистр, – улыбнулась Лития, и улыбнулась еще по отдельности сэру Гербу и сэру Равару, – но желания мои сейчас скромны: мягкая постель, хорошая еда и кубок теплого вина.

– Все, что принадлежит мне и моим людям, – по праву принадлежит вам, ваше высочество, – произнес Скар, и Оттар не услышал в его словах пустую любезность. Магистр говорил серьезно: тоном, каким сообщают само собой разумеющееся.

– Я рад, что ты вернулся, брат Кай, – проговорил рыцарь в лиловых доспехах, взгляды ваясь в лицо Кая, – но мне кажется, что какая-то тревога гнетет твое сердце.

– Ты прав, брат Герб, – тускло ответил юноша. – Я вернулся, и я принес дурные вести.

– Я знаю об этом, – сказал Магистр. – И сделаю все, что от меня требуется... Во имя и в память моего короля. Враг идет за вами, но, пока стоит Болотная Крепость, принцесса Гаэлона будет вне опасности.

– Я вернулся, – сказал еще Кай. – И сердце мое неспокойно...

Рыцари Болотной Крепости переглянулись. Магистр внимательно взглянул на Кая, и тот не отвел глаз – хотя, как могло показаться, это далось ему с некоторым трудом. Кай сглотнул и заговорил ровно и не прерываясь: видно, эту речь он подготовил заранее.

– Братья! – сказал юноша. – Я шел по светлой и прямой дороге, но оказался в темноте. Я убивал Тварей, выполняя свой Долг. Но я убивал и людей, видя в них Тварей. Я оберегал жизнь ее высочества принцессы, выполняя свой Долг. Но тем самым я вмешался в дела людей, не имея на то права... Я прошу вас судить: достоин ли я оставаться рыцарем Болотной Крепости Порога или заслужил позора клятвопреступника... Я требую Суда, братья! На Суде вы услышите все до последнего слова.

Оттар тяжело вздохнул, с неудовольствием поморщился и посмотрел на Магистра, как бы ища в его лице поддержку. Словно ожидая: сэр Скар сейчас скажет что-нибудь такое, что враз положит конец мукам и сомнениям, терзавшим Кая последние несколько недель.

– Магистр! – волнуясь, заговорила Лития. – Доблестные сэры! Словом королевской крови я ручаюсь за чистоту помыслов сэра Кая, я говорю вам, что все время своей службы он не сделал ничего дурного и его... не за что судить.

– Во, и я о том же! – ляпнул Оттар. – Брат Кай – самый великий воин из тех, что когда-либо появлялись среди людей, настоящий рыцарь! Но уж слишком уж он это самое... – Не умея верно сформулировать свою мысль, он наморщился и покрутил расслабленной пятерней у лба.

– Я... теперь не знаю, кто я, братья, – обращаясь к болотникам, сказал Кай. – Я требую Суда. Мне... нужен Суд.

– Да будет так, – помолчав, ответил Магистр Скар.

– Да будет так, – повторил сэр Герб.

– Доблестные сэры, – произнесла золоотоволосая, – я с готовностью явлюсь на ваш Суд и расскажу все, что потребуется.

– И я! – присовокупил северянин.

– Этого не нужно, – мягко возразил сэр Скар. – Благодарю вас, ваше высочество, и тебя, сэр Оттар. Суд Ордена не нуждается в свидетелях. По Кодексу рыцарей Болотной Крепости болотник, потребовавший для себя Суда, сам должен открыть суть своих сомнений, а Судии – обязаны помочь ему разобраться.

– Это другое дело! – повеселел юный великан. – А я-то думал – прямо уж Суд... А то он и нас замучил своими этими самым сомнениями... и сам замучился. Вы уж там вправьте ему мозги, доблестные сэры! Вы уж там ему... – Возможно, северянин наговорил бы чего-нибудь еще, но, заметив, что старшие рыцари и сам Кай его веселье нисколько не разделяют, осекся.

– Возвращайся в Крепость, сэр Кай, – сказал Магистр Скар, – и жди всех нас там.

Не говоря более ни слова, Кай прошел туда, где на берег были вытащены две лодки, встал в одну из них и оттолкнулся от берега шестом. С тихим шорохом острый нос лодки рассек неподвижную черную гладь воды.

– И все же я требую милости для сэра Кая, – сказала Лития, глядя, как туман понемногу скрадывает прямую тонкую фигуру рыцаря.

– Ваше высочество, – с поклоном ответил Магистр Скар, – милость нужна тем, кто сам в ней нуждается.

Лития помолчала немного, явно не зная, как реагировать на эти слова. Зато вступил Оттар.

– Сэр Скар! – обратился он к Магистру. – Вот тот, кого судят, все начистоту выкладывает, так? А потом Судии ему все разъясняют – это я тоже понимаю. Я не понимаю, кто ж тогда приговор выносит?

– Подсудимый сам должен вынести себе приговор, – ответил Магистр. – Но только после того, как все его сомнения будут развеяны.

– О как! – удивился северянин. – Это что же получается... Подсудимый сам себе и Судия? Да везде бы так было! Кто ж самому себе худа-то пожелает!

Болотники снова переглянулись.

– Приговор, который человек самому себе выносит, – он и есть самый справедливый, – проговорил Герб, внимательно глядя на Оттара. – Разве это не очевидно?

– Нет и не может быть приговора справедливее, – повторил Магистр, – чем тот, который человек вынес самому себе. Не может быть справедливее и не может быть суровее и страшнее.

Северный рыцарь открыл рот, вероятно, чтобы возразить, но... ничего говорить не стал, а задумчиво поскреб свой затылок.

– Я так думаю, – заговорила принцесса, – что в Болотной Крепости не часто случаются Суда Ордена.

– Вы правы, ваше высочество, – с поклоном ответил сэр Скар, – последний Суд состоялся около двухсот лет назад...

Оттар присвистнул.

– Я очень устала, – помолчав, проговорила Лития. – Велите проводить меня в мои покои. Позже, после того как я отдохну, мы продолжим наш разговор.

– Конечно, ваше высочество, если таково ваше желание, – сказал Магистр. – Нам еще о многом нужно поговорить, ваше высочество. Но сначала вам нужно отдохнуть. Вы очень устали – я вижу это.

Он коротко кивнул сэру Равару. Тот с поклоном подал руку принцессе.

Увлекаемая рыцарем, Лития сделала всего только несколько шагов и остановилась. Болотник вел ее в направлении, противоположном берегу озера, – к Укрывищу. Она что-то спросила у Равара, и тот ей ответил.

– Сэр Скар! – недоуменно воскликнула принцесса, оборачиваясь к Магистру. – Здесь, должно быть, какая-то ошибка! Разве вы отвели мне покои не в вашей Крепости?

– Конечно, нет, ваше высочество, – с некоторым даже удивлением отозвался сэр Скар. – В Болотную Крепость Порога могут входить только рыцари-болотники. Таковы правила нашего Ордена.

– Я лщу себя надеждой, сэр Скар, что я ослышалась! – гневно сверкнув глазами на Магистра, выпалила принцесса.

А Оттар аж крикнул.

– Это что же получается? – медленно выговорил он. – Ее высочеству, принцессе всего Гаэлона, придется жить в соломенной лачуге?

– Таковы правила, – спокойно повторил Магистр. – Но поверьте мне, ваше высочество, поверьте мне, сэр Оттар, я и мои люди сделаем все, что возможно, чтобы принцесса не испытала никаких неудобств.

– Ну вот что, сэры, – нахмурился северянин. – Ее высочество столько натерпелась всяких бедствий за время нашего путешествия... только истинная особа королевской крови могла снести то, что пришлось снести ее высочеству, столько всего пережила – а вы ее на земляной пол определяете? Это... это... это я даже и не знаю, как сказать... Магистр, сэр Скар! Ежели уж никому, кроме Рыцарей Порога, в Крепость не войти, тогда я свое законное право жить в ее стенах уступаю принцессе! Вот так!

Произнеся это, Оттар воинственно упер кулаки в бока. Магистр покачал головой.

– Сожалею, сэр Оттар, но и ты не имеешь права входить в Болотную Крепость, – сказал он.

Скулы северянина окаменели, а щеки начали багроветь. Принцесса Лития остро взглянула ему в лицо.

– Я – рыцарь Братства Порога! – загрохотал Оттар, справившись с приступом немоты. – Я разил Тварей на побережье Вьюжного моря! И я недостоин того, чтобы просто войти в вашу Крепость?!

– Ты принадлежишь Ордену Северной Крепости Порога, – сказал болотник Герб. – Правила Кодекса болотных рыцарей гласят, что в Крепость может войти только рыцарь-болотник.

– А северные Рыцари Порога, значит, недостаточно хороши для вас?! – рявкнул Оттар.

– Поверь, сэр Оттар, – снова вступил в разговор Магистр Скар, – рыцари Братства равны между собой. И каждый Рыцарь Порога обязан уважать и любить своего брата. Я...

и любой из рыцарей моего Ордена с готовностью умрет за тебя и за нашу принцессу. Но в Болотную Крепость входят только болотники. Таково правило.

– Правило! – зарычал северянин. – Опять эти ваши правила!.. Да что же такое со всеми вами!.. – Оттар с ожесточением постучал себе кулаком по лбу.

– Сэр Оттар! – подходя к северному рыцарю, предостерегающе проговорила принцесса. Но Оттара было уже не остановить. Глаза его налились кровью. Рыцарь Ордена Северной Крепости Порога вышел из себя.

– Клянусь Андаром Громобоем, никто и никогда не наносил мне такого оскорбления, – рычал северянин. – Никто и никогда! А я не намерен сносить оскорбления ни от кого, будь он даже... – Оттар бросил гневный взгляд на сэра Скара, но договорить не посмел. – Я все равно войду в Болотную Крепость! – заявил он. – А ежели вы считаете, что я... слишком слаб и неопытен для этого, тогда я...

– Сэр Оттар! – воскликнула Лития. – Остановитесь!

– ...вызываю любого из рыцарей-болотников на поединок чести! – все-таки закончил северянин.

Он еще раз глянул на Скара, потом на Герба, а потом перевел взгляд на изуродованное лицо Равара – точно искал среди этих троих достойных себя соперников.

– Выставьте против меня любого из ваших рыцарей! – рыкнул Оттар. – И тогда увидите, как бьются рыцари Северной Крепости Порога!

– Никто не станет сражаться с тобой, сэр Оттар, – спокойно ответил Герб. – И не только потому, что ты недостаточно подготовлен, чтобы сойтись в поединке с рыцарем-болотником. Просто Рыцари Порога не сражаются друг с другом. Таково правило.

– Что?! – захрипел Оттар, поднимая руку к рукояти топора, выглядывавшей из-за его правого плеча. – Ты говоришь мне, сэр Герб, что я... наихудший воин из всех, кто живет на Болоте?!

– Я велю вам замолчать, сэр Оттар! – сильно повысила голос принцесса.

Рука Оттара точно наткнулась на незримую преграду... и, обессилев, опала. Несколько ударов сердца юный великан молчал, тяжело, с хрипом дыша. Он смотрел в землю, сжимая и разжимая кулаки.

– Я прошу вас, сэр Скар, простить сэра Оттара за его несдержанность, – проговорила Лития. – Он горяч, но... он честен и смел. Сэр Оттар! Как не стыдно вам требовать условий лучших, чем те, на которые соглашаюсь я?

Оттар искоса взглянул на стоящую рядом Литию. Не вполне остывшая еще ярость, удивление и обида за свою принцессу мешались в этом его взгляде.

– Простите меня, моя принцесса, – пробурчал он.

А Магистр, в свою очередь давно и внимательно наблюдавший за девушкой в забрызганной болотной грязью кожаной дорожной одежде, со стянутыми в пучок золотыми волосами, сияющими даже здесь, в этом тусклом бессолнечном тумане, вдруг улыбнулся – вроде бы не ей, а своим мыслям.

– Я счастлив видеть перед собой королевскую дочь... – непонятно к чему повторил он. – И я не держу обиды на сэра Оттара. Но если его желание – войти в Крепость, я готов ему помочь.

Северный рыцарь поднял голову. Он смотрел на сэра Скара, часто хлопая белесыми ресницами – силился понять, что же Магистр имеет в виду.

– Да, – хрипло проговорил Оттар. – Таково мое желание.

– Ты войдешь в Крепость, сэр Оттар, рыцарь Братства Порога, когда Мастера из Укывища позволят тебе это, – сказал Скар. – Когда будешь готов.

Оттар запустил руку в свою жидкую юношескую бородку.

– Я буду учиться наравне с сопливыми мальчишками? – уточнил он.

– Ты будешь учиться наравне с теми, кто стремится стать рыцарем Ордена Болотной Крепости Порога.

Северянин расправил могучие плечи и криво усмехнулся.

– Клянусь Громобоем, – произнес он, – уже утром следующего дня я заставлю ваших Мастеров заявить, что я достоин войти в Крепость! И ежели этого не случится... я сам подвергну себя унижению – каковому на моей родине подвергается каждый мужчина, уличенный во лжи!

Туман над Гадючьей Лужей стал понемногу пропитываться вечерними сумерками. Оттар крался меж кочками, низко пригнувшись, стараясь в жидкой грязи уловить напряженным взглядом бесшумное скольжение змеиных извивов. Северянин весь отдался поиску болотных гадов – лишь бы хоть немного отвлечься от ярости, обжигавшей изнутри его грудь. К тем трем змеям в мешке, который нес на себе Атка, присоединилась еще пара. Сам северный рыцарь понимал, что до того времени, когда окончательно стемнеет, ему вряд ли удастся успеть наловить полный десяток. Но это его мало беспокоило. Первая встреча с рыцарями Болотной Крепости – вот что уже второй день не давало покоя здоровяку-северянину.

Совсем не такого приема ждал Оттар от Магистра Ордена Болотной Крепости Порога. Как мог Магистр так поступить с ним?! Что они вообще думают о себе, эти болотники?

Воспоминание о брошенном сгоряча вызове на поединок чести язвило сейчас Оттара пуще всего. Ему отказали: спокойно и – как теперь казалось юноше – даже пренебрежительно. Мол, слабак он еще тягаться с нашими рыцарями...

Юного великана аж скрутило от очередного приступа обиды и злости. Но тут чуть поодаль от него сверкнула черная молния убегающей гадюки. Прикинув траекторию движения змеи, Оттар прыгнул наперерез ей.

Он приземлился удачно – гадюка свернулась клубком на кочке на расстоянии вытянутой руки от северного рыцаря. Змея угрожающе шипела, мгновенными выпадами острой морды пронзая перед собой пространство. Оттар не отступил, даже не вздрогнул. Он медленно и плавно шагнул вперед – и снова остановился. А затем, уловив момент очередного выпада, бросился вперед, отчаянным хватом успев стиснуть пальцы чуть ниже змеиной головы.

– Еще одна ешь! – буркнул он, оборачиваясь к неслышно приблизившемуся Атке. – Давай мешок.

Паренек ловко подставил растянутую горловину мешка – Оттар, неглубоко опустив туда руку с обвившейся вокруг нее гадюкой, разжал пальцы и тут же отпрыгнул. Атка быстро стянул ремешки горловины.

– Так-то... – проворчал северянин, непроизвольно вытирая о штаны ладонь, еще чувствовавшую скользкое извивающееся тело гадины. – А ты говорил...

– У тебя неплохо стало получаться, брат Оттар, – откликнулся Атка. – Я помню, как два года назад я впервые вышел на Гадючью Лужу. В тот день я поймал только одну змею. На следующий день – трех, но последняя успела меня цапнуть и уйти... Мне понадобилось почти две недели тренировок, чтобы наловчиться и изловить десяток змей в течение дня.

Оттар хмыкнул.

– Говоришь, два года уже здесь? – спросил он, двинувшись дальше. – И сколько ж еще тебе в Укрывище сидеть, покуда Мастера разрешат в Крепость войти?

– Мастера не разрешают ученикам входить в Крепость, – серьезно отвечал Атка, следуя за северянином с двумя мешками на плечах. – Когда ученик постигает все науки и его больше нечему учить, Мастера говорят ученику об этом. А дальше... Дальше нужно решать самому. Кто-то чувствует себя готовым вступить на путь воина и идет в Крепость. Кто-то считает, что нужнее Ордену здесь, в Укрывище, и остается помогать Мастерам и работать на полях.

Кто-то отправляется на Охотничьи Хутора, чтобы поставлять Крепости провизию. Каждый сам выбирает себе путь.

– Ну да, – сплюнул Оттар. – Выбирает путь... Я так понимаю: храбрый и сильный становится рыцарем. Кто потрусливей – охотником. А уж совсем никчемушники на полях в грязюке пластаются или пробавляются на побегушках. Путь! Сказал тоже... Путь нельзя выбирать! Кому что на роду написано, у того такая жизнь и выходит. Ежели ж ты хилый и, когда кровь видишь, в портки кладешь – какой из тебя воин? Тут уж как ни старайся, воином не станешь. А ежели и заставит нужда меч в руки взять, так в первой же драке ухлопают! Этак-то любой хотел бы рыцарем быть, потому как рыцарю всегда и везде почет и уважение, но... у девяти из десятка кишка тонка. Вот и остается этим девяти только прислуживать тому единственному рыцарю. Зверя для него бить или ячмень выращивать.

– Брат Оттар! – ахнул Атка так удивленно, что Оттар рывком обернулся, подумав: не увидел ли паренек рядом какой опасности. Но Атка смотрел на него. – Брат Оттар! – повторил он. – Я и не думал, что ты... что ты...

– Ну? – поторопил паренька северянин. – Чего – я?

– Что ты так мало понимаешь, – договорил Атка.

– Хочешь сказать, я – тупой? – грозно сдвинул брови Оттар.

– Совсем не то я хочу сказать, брат Оттар! – заторопился ученик Укрывища. – Послушай, брат Оттар! Здесь никто никому не прислуживает. У нас у всех – у всех, кто живет на Туманных Болотах, – единый Долг. Долг оборонять человека от Тварей, лезущих из-за Порога. Как же определить, у кого на плечах ноша тяжелее, если мы все несем один Долг? Просто Долг у нас один, но у каждого своя работа. Труд земледельца и труд рыцаря – одинаково почетен.

– Да ты просто умник, как я погляжу. – Оттар снова двинулся по болотной топи. – И говоришь так гладко, прямо любо-дорого послушать.

– Я говорю так, как нам объясняют Мастера, брат Оттар...

– Только, брат Атка, – усмехнулся северянин, – чушь ты несешь полную. Дер-рьмищем от слов твоих разит, вот как! Это где ж слыхано, чтобы земледельца с рыцарем равнять! Ты-то сам – не в земледельцы и охотники метишь. Ты ж, балабол, рыцарем мечтаешь стать!

– Возможно, что и рыцарем, – не сразу ответил Атка. – Но мне больше по душе магия. Мастер Кулла говорит, что из меня получится хороший целитель и творец заклинаний. Он говорит: мой разум достаточно крепок, чтобы вместить знаний поболее, чем у кого бы то ни было. Я использую большую часть моего времени для занятий магией, брат Оттар, и стараюсь расширять пределы моего разума. Но я еще не вполне разобрался, в каком деле могу принести больше пользы.

– Ишь ты! – только и сказал Оттар, искоса глянув на идущего чуть позади паренька. – Одно слово – умник. Все вы здесь... умники. – Его голос неожиданно сполз на хрип – это обида, замершая на время, заклокотала снова. – Небось и ты считаешь, что лучше воинов, чем рыцари Болотной Крепости Порога, во всем свете нет? А рыцари Северной Крепости или Горной – так... мелкота и размазня!

– Мастера говорят, что все до одного рыцари Братства Порога, в какой бы из трех Крепостей они службу ни проходили, одинаково достойны уважения, брат Оттар, – ответил Атка.

– Но все же рыцари-болотники – они воины поистине искуснее будут, э? – подхватил северянин.

– Конечно, – просто проговорил Атка.

– Вот же ж ты!.. – изумился Оттар. – Вот же ж тебе, парень, мозги-то задурили твои Мастера! Да ты бывал ли где, кроме этого Болота?

– Я родился на Охотничьих Хуторах, – сказал Атка. – И никогда за всю свою жизнь не покидал Туманных Болот.

– А еще вякаешь! – рявкнул северянин, раздражаясь все больше. – Тебя бы на денек к нам, на Ледники Андара, где Северная Крепость стоит... где солнышко только пару месяцев и светит, а все остальное время – мгла ледяная... где из-за Северного Порога, что на дне Вьюжного моря, ползут такие Твари, от одного вида которых такой щенок, как ты, сразу бы окочурился, – вот бы я посмотрел, как ты запел бы!

– Мастера говорят, что Твари Северного и Горного Порогов свирепы и сильны, – произнес паренек, – но Твари, появляющиеся из-за Болотного Порога, превосходят их в могуществе, как матерый секач – водяную крысу. Помимо невероятной ловкости и страшной силы Твари Болотного Порога обладают ужасной магией, и воин может быть оглушен, ослеплен, лишен разума или убит сотней разных способов еще до того, как Тварь приблизится к нему. Поэтому первое, чему учат в Укрывище, – это умение слышать и видеть. Болотник должен каждое мгновение знать, что происходит вокруг него. Ибо даже самое крохотное изменение мира может оказаться гибельным.

– Мастера неплохо учат вас... – высказался Оттар, – мастерски трепать языком. Я даже на минуту поверил, что, окажись я близ Болотного Порога, мне придется туговато.

– Ты не продержишься и минуты, брат Оттар, – покачал головой Атка. – И вряд ли успеешь заметить, что именно тебя убило. Правило гласит: никто, кроме рыцарей-болотников, не может войти в Крепость, ибо каждый вошедший в Крепость обязан нести воинскую службу так же, как и прочие находящиеся там. А это значит: обязан ходить в ближние и дальние дозоры к Порогу и держать оборону Крепости – в том случае, если Твари прорвутся к ней. Я не понимаю, почему ты так злишься на Магистра. Он следовал правилам Кодекса болотников. То есть берег твою жизнь. Потому что, как я уже говорил, ты не продержишься и минуту у Болотного Порога, брат Оттар.

– Я – рыцарь Братства Порога, сопляк! – сильно повысил голос северянин. – И я уже предупреждал тебя: получишь подзатыльник, ежели не попридержишь свой чересчур поворотливый язык!

– Ты могучий воин, брат Оттар, ты знаешь это и привык к этому. Но почему тебя унижает, что кто-то может оказаться сильнее тебя? – задал неожиданный вопрос ученик Укрывища. – Это тем более странно, что ты столько времени провел бок о бок с братом Каем. Ведь в его воинском мастерстве ты уже мог убедиться.

– Так то брат Кай! – снисходительно глянул на мальчика северянин. – Брат Кай, он... Он такой вообще один-единственный. Он – лучший воин не только Болотной Крепости, но и всех других Крепостей Порога. А значит, лучший воин во всем мире людей. Да что ты можешь знать о брате Кае?!

– Я много знаю о брате Кае, – сказал на это Атка. – Мастера в Укрывище рассказывали нам о нем – о его великой битве с Черным Косарем, когда ради победы брату Каю пришлось умереть и восстать из мертвых. Но, поверь мне, брат Оттар, среди рыцарей Болотной Крепости найдутся такие, кто ничем не уступит брату Каю.

Юный великан посмотрел на парнишку так, будто тот только что сморозил небывалую глупость.

– Чего-о? – протянул Оттар. – Ну и долдон же ты. Слишком ты мал, чтобы о таких вещах рассуждать! Нет и не будет рыцаря сильнее брата Кая! Ты видел его в бою? А я сражался вместе с ним плечом к плечу! Ни одному человеку не под силу сделать то, что делал брат Кай!

– Он долго учился. Всего, что он умеет, он достиг трудом и прилежанием. Он такой же, как и все мы здесь.

– Послушай меня, малец! – Северянин остановился, развернулся и всем своим громадным телом навис над щуплым подростком. – У меня на родине говорят так: боги еще до рождения человека избирают ему путь. И раз в столетие отмечают того, кому предстоит стать великим. Андар Громобой коснулся сердца Кая, когда тот плавал еще в утробе матери. Воля богов такова, чтобы брат Кай стал величайшим воином!

– Твой разум, брат Оттар, подобен ореху в скорлупе, – несколько даже печально констатировал Атка. – Ты долго шел рядом с братом Каем, но ничему не научился. Потому что не желал этого. Мне жаль тебя, брат Оттар. Я очень хочу, чтобы ты позволил мне помочь тебе.

Верзила остановился и несколько раз обалдело моргнул, точно сомневался – не ослышался ли он. На этот раз наглый мальчишка перешагнул все рамки.

– Значит, орех в скорлупе, да? – зловеще высвистел он стиснутым от злости горлом. – Негоже рыцарю бить мальцов, но... поучить иной раз следует. Ну-ка, иди сюда, умник!..

Оттар протянул руку, чтобы схватить паренька за ухо, но пальцы его сомкнулись в пустоте. Атка – словно сухой лист, отброшенный тугой волной воздуха, поднятой могучей ручищей верзилы, – отлетел на шаг в сторону. Оттар прыгнул на него, одновременно замахиваясь. Но и на этот раз паренек ускользнул от уготовленной ему оплеухи, нырнув под руку северному рыцарю и появившись у того за спиной – почти по колено в луже. Оттар развернулся, стремясь зацепить растопыренной пятерней неуловимую фигурку, – и это ему почти удалось. Уходя от захвата, Атка, все так же державший мешки со змеями на своих плечах, запнулся обо что-то невидимое под слоем черной воды и едва не упал.

С торжествующим воплем верзила обрушился на паренька, уже готовый скрутить его, положить на колено и надавать полновесных лещей по великомудрой худой заднице. Но тот вдруг куда-то исчез. И вместе с ним исчезли и хлюпающая мутная грязь под ногами, и колышущаяся пелена тумана, и надоедливый стрекот болотных насекомых – исчезло вообще все, весь окружавший северянина мир.

Осталась только масляно-черная пустота, бесшумно расцвечиваемая красными, желтыми и оранжевыми вспышками, похожими на необыкновенно быстро распускающиеся и тут же увядающие цветы...

Сознание возвращалось к нему медленными толчками. Сначала в ушах тонко запели комары и стрекозы, раскатисто заклекотали жабы, потом в ноздри ткнулась затхлая болотная вонь, а потом в глазах растаяли разноцветные пятна – и недалеко наверху заволновались темные волны предночного тумана.

Оттар ощутил, что лежит в холодной луже (в спину больно давила рукоять топора, укрепленного за плечами), и, рывком поднявшись, принял сидячее положение.

Атка стоял перед ним, теребя ремни висевших на плечах мешков со змеями. Лицо паренька не выражало ни страха, ни смущения, ни победоносной насмешки – оно было совершенно спокойным.

– Магией шибанул, гаденыш? – выговорил северянин. – Ну вот я сейчас встану...

Начав подниматься, Оттар оперся на правую руку и рухнул лицом в черную вонючую воду – оказалось, что рука его полностью онемела. Он совсем ее не чувствовал, правда, кончики пальцев уже начали оживать щекочущим зудом. Помогая себе левой рукой, Оттар опять сел и выплюнул фонтанчик гнилой жижи.

– Я бы ни за что не стал использовать магию против такого же ученика Укрывища, как я, – сказал Атка, глядя в лицо Оттару своими громадными глазами. – А ты, брат Оттар, неплох в рукопашном бое. Двигаешься быстро, и, если бы мне под ноги не попалась эта дурацкая коряга, мне бы не пришлось бить тебя.

– Бить меня?.. – недоуменно переспросил верзила. Кисть его правой руки уже обрела подвижность, и он встал на ноги.

И тогда он наконец сообразил, что тут на самом деле произошло. Этот мелкий умник, этот худосочный недоросток победил – и, кажется, без особого труда – его, Оттара, одного из лучших рыцарей Северной Крепости Порога, победил в честной драке.

Северянин затряс головой, словно желая вытряхнуть оттуда эту вздорную мысль.

Не получилось.

– Время возвращаться в Укрывище, брат Оттар, – сказал Атка. – Змеи ведут дневной образ жизни. Ночью у тебя гораздо меньше шансов поймать гадюку.

Дождавшись, пока Оттар тронется с места, паренек повернулся и шагнул вперед. Потяжелевший от темноты туман почти мгновенно скрыл его фигуру.

Северянин шел следом за Аткой бездумно. То есть Оттар совершенно сознательно пытался оградить свой разум от каких бы то ни было мыслей, ибо те, что приходили сейчас в его голову, были так отчаянно горьки, что лучше бы их и вовсе не было.

Но тем не менее в той части сознания, которую невозможно притушить усилием воли, кипело и клокотало. И очень скоро к северному рыцарю пришло понимание того, что из черной пропасти бездонного унижения, куда погрузил его ловкий удар юного Атки, можно отыскать только один выход.

Еще несколько ударов сердца Оттар собирался с духом. Затем, решившись, ускорил шаг, на ходу снимая из-за спины топор. И крикнул в смутно маячившую впереди худую спину:

– Эй, молокосос! Далеко собрался? Мы с тобой еще не закончили...

Глава 3

До Леса Тысячи Клинков оставалось совсем немного, когда туман наверху стал чернеть и, приветствуя скорое наступление ночи, громче запели жабы. Облаченный в черные доспехи рыцарь, несущий на левой руке щит, а правой придерживающий лямку большого дорожного мешка, громоздящегося за спиной, ровно и размеренно, будто по утоптанной удобной тропе, шагал по топкой земле, покрытой, словно отвратительными волосатыми бородавками, кочками, поросшими серой травой. С полсотни амулетов побрякивало на запястьях рыцаря, на его груди и на поясе. У левого бедра покачивался меч с рукоятью в виде головы виверны. Если бы жабы обладали разумом, они несомненно подивились бы тому, что здесь делает этот одинокий путник: на территориях, лежащих между Крепостью и Порогом (эти земли принято было называть «за Крепостной Стеной» или просто: «за Стеной»), рыцари-болотники никогда не появлялись в одиночку, поскольку это было слишком опасно – только группами по пять-шесть человек.

Впереди, в плотной завесе тумана, появилось несколько размытых силуэтов, похожих на многоруких чудищ, вооруженных длинными ножами.

Рыцарь не замедлил шага.

Очень скоро стало видно, что эти чудища – не что иное, как деревья, впрочем, не совсем обычные: стволы их были искривлены и тонки, а на ветвях вместо листьев тускло поблескивали изогнутые, похожие на остро заточенные клинки шипы. Деревья эти называли на Туманных Болотах ноженосцами.

Рыцарь остановился и снял с головы шлем. Спутанные длинные волосы упали ему на лицо – иссиня-черные, в которых белели две совершенно седые пряди. Движением головы рыцарь откинул закрывающие глаза волосы. Лицо его было юным и свежим, оттого довольно странно смотрелась эта седина, оттого странным казалось и то, что темные глаза юноши уже, видимо, давно оледенила тревожная тоска, а в углах рта застыли резкие косые морщинки.

Имя этого рыцаря было Кай. Сэр Кай, рыцарь Ордена Болотной Крепости Порога.

Кай снял шлем вовсе не для того, чтобы вечерняя сырая прохлада остудила разгоряченное и мокрое от пота лицо. Несколько ударов сердца он напряженно к чему-то прислушивался... потом быстро надел шлем и опустил забрало.

Должно быть, что-то настораживающее удалось ему уловить в унылом стрекотании болотных насекомых и ворчливом пении жаб. Он двинулся дальше, уже не так быстро и совсем не бесшумно, словно нарочно загребая ногами жидкую грязь, и через несколько шагов остановился. Из-под его ног выпрыгнула жирная жаба и в несколько прыжков скрылась в тумане.

Кай покачал головой, утяжеленной глухим шлемом, словно окончательно утвердился в своем предположении.

Вряд ли кто-то, кроме рыцарей-болотников, сумел бы углядеть, что жаба прыгала не так высоко и далеко, как могла бы при своем весе, размере и возрасте. Вряд ли кто-то, кроме рыцарей-болотников, сумел бы одним взглядом определить, что животное совершенно здорово – и, следовательно, что-то другое стесняло ее движения, обессиливало ее...

Рыцарь сменил направление. Теперь он двигался не прямо к Лесу Тысячи Клинков, а круто забирал в сторону, точно намереваясь обогнуть Лес. Через несколько шагов он снова остановился. Вытащил из поясной сумки крохотную емкость, сделанную из высушенного рыбьего пузыря, поднял забрало и, прокусив зубами пузырь, одним глотком выпил тягучую буро-зеленую жидкость.

Становилось все темнее. Подойдя почти вплотную к опушке Леса, Кай наткнулся на жабу, которая уже неспособна была убежать от него. Она отчаянно и бессильно сучила лап-

ками, пытаясь хотя бы приподнять на них свое тело. То, что гудение насекомых стало много тише против того, как бывает обычно в это время суток в этой части Туманных Болот, рыцарь отметил уже давно.

– Безглазый Стрелок, – проговорил он самому себе – и невольно улыбнулся. Привычный и приятный азарт предстоящего сражения охватил его.

Он уже давно шел по Болоту, но Стрелок оказался первой Тварью, попавшейся ему на пути. Даже для этого сезона, который не характеризовался повышенной активностью Тварей, такое спокойствие было необычным.

И почти сразу же после того, как рыцарь произнес имя Твари, между ошестиненных клинками ветвей ноженосцев замерцала, медленно приближаясь, молочно-белая фигура: громадная, возвышавшаяся над верхушками деревьев, неясная и бесформенная, точно призрачное, точно клуб морозного дыхания из пасти великана. Поняв, что Тварь уже видит его, Кай сбросил с плеча дорожный мешок, выхватил из ножен меч и опустился на одно колено, напрягшись в ожидании.

Тварь подходила все ближе и ближе, светясь в полутьме призрачным белесым светом. Абсолютная тишина накрыла округу – магия Стрелка состояла в том, что он высасывал жизненную энергию всех существ из плоти и крови, находящихся вблизи него, превращая живое и сильное в безвольное и неподвижное. Когда Тварь вышла из-за деревьев, стало возможным рассмотреть ее.

Безглазый Стрелок передвигался на двух конечностях с вывернутыми, как у гигантского кузнечика, коленями. Тварь низко приседала при каждом шаге, покачивая громадным, вытянутым кверху туловом, покрытым бесчисленными уродливыми наростами-шишками, четко выделявшимися на безволосой белой шкуре. Кроме двух нижних, никаких конечностей больше Тварь не имела, не имела она и того, что могло сойти за голову.

Кай пригнулся ниже, медленно выведя вперед руку со щитом, центр тяжести перенеся на ногу, коленом которой он упирался в землю. Заранее выпитое снадобье надежно предохраняло рыцаря от магического воздействия Твари. Но он избегал резких движений, намереваясь убедить Стрелка, что неспособен сопротивляться, что полностью беспомощен.

Шишкообразные наросты на тулове Твари задрожали – и внезапно раскрылись алыми зубастыми пастьями. Скрежещущее шипение полетело из этих пастей, и Тварь задвигалась быстрее. Между ним и рыцарем оставалось не более десяти шагов, когда Стрелок атаковал.

Пасти одна за другой начали извергать тонкие, неимоверно растягивающиеся языки, на конце каждого из которых имелся костяной клинок, похожий на коготь. Упругий свист, как от пронзающих воздух стрел, заглушил шипение. Костяные клинки раз за разом били в щит рыцаря, в защищенную шлемом голову, скользили, высекая красные искры, по черным доспехам, молниеносно втягивались опять в пасти и снова со страшной скоростью и мощью неслись к человеку.

Чтобы не быть опрокинутым, Каю пришлось отвести назад руку с мечом и вонзить лезвие в землю, создавая дополнительный упор, – меч сразу же вошел по рукоять. Костяные клинки, способные пробить любую, самую мощную броню, изготовленную руками людей или даже гномов, были бессильны перед доспехами из защитных панцирей Черного Косаря. Но сила сыплющихся ударов оказалась такова, что Кая буквально вколачивало в топкую землю.

Рыцарь ждал, когда Тварь подойдет ближе к нему на удобное для контратаки расстояние, но Стрелок отчего-то не спешил приближаться – чудовище утвердилось на одном месте, осыпая воина градом ударов.

И это тоже было странно.

До того как отправиться в Большой Мир, рыцарь-болотник Кай не раз сталкивался в дальних дозорах с Тварями, которых называли Безглазыми Стрелками. Он отлично знал,

как распознать появление Стрелка, какими снадобьями и заклинаниями пользоваться в этой битве, для которой (как и для битв с другими разновидностями Тварей) поколениями болотников разработана была своя точная стратегия. Стрелок считался одной из самых слабых Тварей – достаточно было только вовремя обезопасить себя от его магии и подпустить поближе... Безглазый воспринимал всякую неподвижную цель не как противника, а как жертву – и без опаски подходил к ней вплотную.

Теперь же поведение Безглазого Стрелка явно изменилось.

Такое иногда случалось. Очень редко, но случалось – чтобы Тварь из-за Порога, повадки которой были давно изучены, вдруг начинала действовать непредсказуемо, просто так, сама по себе, а не вследствие ранения или влияния боевой магии.

Стрелок вдруг двинулся с места. Но пошел – грузно покачиваясь, не переставая стрелять языками из пастей – не к рыцарю, а вокруг него. Точно убедился, что атаки его не нанесут врагу ощутимого вреда, и выискивал теперь слабую сторону.

Осыпаемый тяжкими ударами, Кай все глубже увязал в топи. Он уже не смог бы вскочить одним резким движением. И время действия снадобья подходило к концу. Кай ощутил дрожь в груди, во рту его вмиг пересохло, а зрение понемногу стало меркнуть.

Нужно было спешить.

Выдирая ноги из вязкой жижи, Кай поднялся, выставил щит перед собой так, чтобы костяные клинки Твари, бившие по нему, соскальзывали, теряя силу удара. И пошел на Стрелка, мгновенными выпадами обрубая летящие в него смертоносные языки.

Тварь, пружиня вывороченными лапами, попятилась. Мертвенно-бледная шкура окрасилась черными потеками слизи, которая хлестала из обрубков, повисших сразу из нескольких пастей.

Кай пробежал несколько шагов и прыгнул, размахнувшись мечом уже в прыжке. Он четко знал, куда ему вонзить меч, чтобы мгновенно умертвить Тварь: в один из верхних наростов-шишек, единственный не распахнувшийся зубастой пастью, потемневший теперь и крупно пульсирующий.

Два костяных клинка ударили рыцаря почти одновременно – в плечо и в грудь. Удары не дали ему достигнуть цели, сшибли его на землю. Багровое лезвие меча, выточенное из клешни Черного Косаря, лишь косо взрезало белесую шкуру Твари. Из длинной, но неглубокой раны плеснуло черной слизью.

Кай едва успел сгруппироваться в полете – и приземлился на ноги. Тотчас сорвав с руки щит, он метнул его в Стрелка.

Несколько извергнутых Тварью языков звонко клацнули костяными клинками о летящий щит, отбросив его, закувыркавшийся, далеко в сторону. Но в тот же момент багровый клинок взрезался в лапу Безглазого, почти перерубив ее.

Скрежещащее шипение сменилось низким ревом, исторгаемым более чем десятком пастей, – точно истошно замычала от боли дюжина буйволов. Тварь покачнулась, беспорядочно полосую темный воздух клинками, и медленно стала заваливаться набок.

Кай успел отрубить еще три языка, несущих смерть на костяных своих кончиках, в отчаянном прыжке взметнулся в воздух и вонзил меч в темный пульсирующий нарост. Еще до того как он приземлился, его окатило тугой струей черной слизи, которой взорвалась проткнутая шишка. Безглазый Стрелок рухнул в грязь. Вываленные из перекошенных пастей языки несколько раз дернулись... и обмякли.

Пошатываясь, рыцарь вернулся за своим мешком и потом, не теряя времени, двинулся в сторону Леса, подобрав по дороге щит. Следовало задержаться, чтобы отсечь и прихватить несколько клинков Стрелка (из них болотники изготавливали метательные ножи), но и издохшая Тварь еще некоторое время испускала потоки высасывающей жизненную энергию

магии, а действие оберегающего снадобья почти закончилось. Только оказавшись на опушке Леса Тысячи Клинков, Кай позволил себе остановиться.

Два удара сердца ушли на то, чтобы прислушаться и приглядеться к возможным изменениям мира вокруг. Не обнаружив ничего подозрительного, Кай снял шлем.

Ноги его гудели. Немели губы, и к горлу подступал липкий комок тошноты, свидетельствующий о том, что энергия магического поля вокруг Твари успела изрядно ослабить организм. Кай запустил руку в поясную сумку и вытащил аккуратно завернутый в тряпицу корень могутника – похожего на обыкновенный паслен неприметного кустарника с серыми, точно запыленными листьями и ядовитыми фиолетово-бурыми ягодами. Могутник произрастал только на Туманных Болотах и нигде больше (по крайней мере, в Большом Море Кай ни разу не встретил даже упоминания об этом растении). Отыскать могутник можно было лишь неподалеку от Порога, в самых опасных местах Болота. Поэтому считалось, что этот кустарник, высушенный корень которого почти мгновенно восстанавливал силы, бесследно прогонял легкие недомогания и придавал бодрости, есть тот же самый паслен, только измененный магией Порога.

Вблизи Порога вообще творилось много странного, и местность эта была малоизучена. Рыцарям-болотникам крайне редко удавалось проникнуть туда, где привычный мир трескался, пуская в себя чужое, – болотники подходили к Порогу и даже ступали за Порог лишь тогда, когда наступал сезон наименьшей активности Тварей.

Кай снял латную перчатку, отщепил ногтем крохотное волоконец корня, положил в рот и, чувствуя, как оно точно закипело на языке мириадами мельчайших пузырьков, опустил завернутый корень обратно в сумку и сразу же надел перчатку.

Время, когда он намеревался устроить привал, еще не наступило. Рыцарь двинулся через Лес Тысячи Клинков, не вполне еще придя в себя: на Туманных Болотах, за Стеной, не следовало подолгу оставаться на одном месте. Отряды дозорных, как правило, несколько раз за ночь снимали лагерь и меняли расположение стоянки.

Впрочем, уже через несколько шагов Кай почувствовал прилив сил. Он пошел быстрее, лавируя меж ветвями, ошетиненными шипами-ножами, не потому, конечно, что боялся пораниться или повредить доспех, – просто шипы ноженосцев, задевая латы болотника, визгливо лязгали, а рыцарь в дозоре должен передвигаться, не создавая лишнего шума. Серый мох под ногами глушил звуки шагов и пружинил, точно подгоняя.

Возбуждение боя быстро схлынуло с души Кая, и на его место снова поднялась не дающая покоя муть...

Ремень из кожи Дохлого Шатуна натужно скрипел, когда Кая поднимали в корзине на крепостную стену. И этот пронзительный скрип, почему-то накрепко впившийся в уши, продолжал слышать юный рыцарь, когда спускался со стены во двор Крепости по длинной лестнице с высокими ступенями, высеченными из серого камня. Когда-то ровно ограненные, эти ступени были теперь стерты так, что на каждой из них виднелись округлые выемки. Представить трудно: за долгие века, пока стоит здесь Крепость, сколько избегало по этим ступеням на стены рыцарей, разбуженных тревожным боем сигнального колокола, сколько спускалось их, вернувшихся из дозоров, окровавленных, в помятых и переломанных доспехах, ступая шатко, оскальзываясь в собственной крови... Никогда раньше Кай не задумывался над этим.

Оказавшись во дворе, он остановился, не зная, что делать дальше. К нему подходили братья-болотники, шумно приветствовали, хлопали по плечу, припоминали, что же произошло на Туманных Болотах за время его отсутствия, называли имена рыцарей, сложивших у Болотного Порога свои головы, но говорили о покойных без скорби и сожаления, просто

констатируя. Разве кому-нибудь из болотников придет в голову унижать жалостью память тех, кто честно выполнил свой Долг до конца?

Впрочем, разговоры не затягивались. Гарнизон Болотной Крепости Порога насчитывал чуть более сотни рыцарей, из которых около трех десятков сейчас были в дозорах, четверо дежурили в сторожевых башнях, а остальные либо отдыхали в казармах, восстанавливая силы, либо ладили оружие и доспехи в арсенале или крепостной кузнице, готовили амулеты и целебные снадобья, собираясь выйти в дозор. Времени на праздные разговоры у болотников не было. Много веков идущая здесь война, непрерывная и жестокая, не позволяла расслабиться ни на минуту.

Так получилось, что Кай почти сразу сообщил присутствующим о предстоящем Суде...

Первым к Каю подошел сэр Гар, старший рыцарь, хранитель арсенала Крепости. Рыжеволосый и коренастый, с незамысловатым лицом, похожим на неряшливо облупленное яйцо, беспрестанно шмыгающий носом, он производил впечатление деревенского мужичка-простачка. Но каждый в Крепости знал, что этот рыцарь – один из лучших. Знал это и Кай, которому выпало несколько раз ходить с Гаром в дальние дозоры. Он помнил, как за несколько мгновений до боя рыжий Гар молниеносно и страшно преобразался, как его движения, с виду разухабистые и неловкие, оказывались убийственно точными и мощными...

– Возвернулся, значит, – шмыгнув конопатым носом, утвердительно выговорил Гар, увесисто хлопая Кая по спине. – Ну-тка, и как там Дарбион-то?.. Передали нам, брат Кай, вести, которые принес ты и твои друзья, – добавил Гар, и по его лицу пронеслась короткая волна ярости, живо напомнившая юноше те дни, когда они сражались с рыжим болотником спина к спине.

– Это еще не все, что я имею сказать вам, братья, – произнес Кай.

Гар шмыгнул носом, ожидая продолжения. Еще несколько рыцарей – Кай помнил их учениками Укрывища, когда покидал Крепость, – подойдя и поздоровавшись, умолкли, понимая по лицам собеседников, что кто-то из них что-то недоговорил.

– Я потребовал Суда у Магистра Скара, – сказал Кай.

Гар снова шмыгнул носом и привычным движением утер его ладонью.

– Я... – Кай увидел, как посерьезнели молодые рыцари, потому на мгновение сбился. – Я выполнял свой Долг, неся службу в королевском дворце. И, брат Гар, я...

– Ни к чему дважды повторять один и тот же рассказ, – прервал его Гар, – болотнику не след попусту языком трепать. Вот вернется Магистр в Крепость, тогда мы тебя и выслушаем. Верно ведь?

Кай глянул прямо в глаза рыжему болотнику... и ничего в них не увидел, кроме простодушного дружелюбия.

– Я прямо до смерти рад, что ты вернулся невредимым, – объявил Гар, двинув еще раз Кая по спине. – Сам знаешь, Крепости рыцари ой как нужны. А ты, как я помню, за Стеной был неплох.

– Брат Гар, – охрипшим голосом проговорил Кай, – за Стеной сражаются с Тварями Рыцари Порога. А я... Я... не знаю – сделав то, что сделал, кто я: Рыцарь Порога или клятвopеступник.

– Так на то Суд и нужен, – неожиданно серьезно выговорил Гар, – чтобы разъяснить, что непонятно. Я вижу, ты шибко переживал последнее время. Но сейчас время сомнений прошло. Магистр тебе поможет. И брат Герб. И другие старшие. Ну и я – чем смогу. Ну а боле разговаривать некогда. Мне в арсенал надобно, там уж небось братья заждались...

И Гар, подмигнув напоследок, заспешил в дальний угол двора. Кай смотрел ему вслед, чувствуя, как понемногу тает в груди измучившая его ледяная глыба.

А через три четверти часа начался Суд Ордена.

Во дворе Крепости собрались рыцари-болотники: всего-то около полутора десятков, все те, кто имел возможность пожертвовать короткой передышкой меж дозорами, чтобы помочь брату своему.

Молодые болотники расселись полукругом, подложив под себя щиты, как на походном привале. Старшие – Магистр Скар, Герб, Равар и Гар – расположились там, где размыкались концы этого полукруга. Сэр Скар указал место Каю рядом с собой. Таким образом, рыцари могли видеть лица друг друга. Как только замерло всякое движение, Магистр кивнул Каю, подавая знак, что можно говорить.

Кай помедлил несколько ударов сердца, оглядывая собравшихся. Молодые рыцари смотрели на него с тревожным сочувствием, словно бы примеряя на себя его положение. Старшие болотники спокойно ожидали речи потребовавшего над собой Суда Ордена. Кай вдруг почувствовал, что воодушевление, потряхнувшее его после разговора с Гаром, куда-то улетучилось. Сейчас он ощущал себя измученным странником, долгие годы в одиночестве блуждавшим по безлюдной пустыне и вот только – вышедшим к людям, которых он давно знал. Та жажда покончить с терзающими его сомнениями на мгновение спряталась, уступив место умиротворяющему покою. Как бы и Суда, которого он так ждал, ему уже не хотелось. Достаточно было того, что он наконец вернулся – в то единственное во всем мире место, где все такие, как он; где каждого он может понимать с той же легкостью, как самого себя. Он вспомнил, что именно такое чувство испытал, когда, пройдя обучение в Укрывище, впервые шагнул во внутренний двор Крепости...

– Поспеши, брат Кай, – проговорил Магистр. – Твари за Стеной не будут ждать.

Кай вздрогнул от вернувшего его к действительности голоса сэра Скара. И начал говорить. Столько времени он готовил речь, которую будет произносить на Суде, но теперь почему-то все по многу раз произнесенные мысленно слова, нагромождение измышлений и рассуждений – в его памяти съезжились и потемнели, как сухие древесные листья в огне. И как-то сами собой сформировались другие фразы: короткие, отчетливые и ясные.

– Правило Кодекса болотников гласит, – говорил Кай, – что рыцарь Ордена должен выполнять волю своего короля. Я нарушил это правило, когда вопреки велению его Величества Ганелона Милостивого, вопреки желанию моей госпожи ее высочества принцессы Литии – заступил дорогу Тварям, вознамерившимся забрать ее, принцессу, с собой. Я сделал это, потому что мой Долг – уничтожить Тварей, какое бы обличье они ни принимали. Я сделал это и потерял право сражаться и умереть за своего короля. Его величество сам отнял у меня это право.

– О каких Тварях ты говоришь? – задал вопрос Скар, когда Кай замолчал.

– Их называют те-кто-смотрят. Или – Высокий Народ. Или – эльфы.

– Но в Кодексе болотников нет ничего по поводу эльфов. Почему ты решил, что Высокий Народ – Твари?

– Они не люди. И их действия угрожали ее высочеству! Если бы я не встал на пути эльфов, ее высочество, чья безопасность и жизнь была вверена мне, отправилась бы в Тайные Чертоги – не по своей воле.

– Когда нужно было делать выбор, брат Кай сделал выбор, – проговорил Герб.

– И нарушил правило Кодекса, – сказал Скар.

– Но исполнил Долг, – сказал Герб.

– Исполнение Долга невозможно без соблюдения правил Кодекса, – сказал Скар.

– Подчинившись воле короля, брат Кай отступил бы перед эльфами, – возразил Герб. – Только нарушив правило, он сумел дать им бой.

Скар нахмурился.

– Над этим стоит подумать, – сказал он.

– Погодите... – выдохнул Кай. – Вы не узнали и третьей части того, что я совершил.

– Говори, сэр Кай, – кивнул Магистр Скар.

– Правило Кодекса болотников гласит, – заговорил снова Кай, – что болотники не должны вмешиваться в дела людей, вникать в их конфликты, принимать ту или иную сторону. Я нарушил это правило, когда обратил свой меч против тех, кто устроил в Дарбионском королевском дворце переворот, кто тайно умертвил короля, кто казнил множество верных ему людей. Я сделал это, чтобы защитить свою госпожу, ее высочество принцессу Литию, и моих друзей, рыцарей Братства Порога: сэра Оттара и сэра Эрла. Я сделал это, потому что стоять за друзей – это также мой долг.

– В тот момент ее высочеству и рыцарям грозила неминуемая смерть? – задал вопрос Магистр Скар.

– Нет, Магистр, – ответил Кай, – их жизнь была вне опасности. Но они находились в застенках. Ее высочество, моя госпожа, сама молила меня о спасении – чтобы избежать участи стать женой короля-мага Константина.

– Сэр Кай нарушил правило Кодекса, – задумчиво проговорил Скар.

– Отстоять честь своей госпожи или подвергнуться опасности потерять свою... – сказал Герб. – Брат Кай сделал свой выбор. Он нарушил правило. И исполнил долг верности по отношению к своим друзьям и своей госпоже.

– Говори еще, сэр Кай, – велел Магистр, покачивая головой.

Лица молодых болотников, собравшихся на Суд, были сосредоточенны. Некое даже недоумение читалось в глазах у большинства юных рыцарей, слушавших Кая. Далеко не все из них знали и помнили, что такое – Большой Мир. Пополнение болотники получали в основном из числа детей, родившихся в Укрывище и на нескольких хуторах, притулившихся на расчищенных делянках Болота, неподалеку от Укрывища, на которых доживали свой век совсем уж древние старики, а также большая часть женщин и детей. Но в ряды Ордена становились и те, кто попал на Болото тем же способом, что и Кай. Отправлявшиеся в Большой Мир болотники подбирали загнанных судьбой в темный угол жизни людей – как правило, детей – и приводили в Крепость, где большинство мальчиков приживались и становились болотниками. А меньшинство и девочки отправлялись жить на хутора, обеспечивая Крепость продуктами, материей, дровами и невестами для молодых болотников. В самой Крепости женщин-рыцарей было крайне мало, но они тоже имелись. Схватка болотника с Тварью всегда требовала от него предельного напряжения всех сил. А женщины чаще всего физически слабее мужчин и больше подвержены магии. Поэтому очень немногие из них могли пройти учение в Укрывище и выбрать для себя путь воина. Ограничения были только в этом, каким бы изумляющим нонсенсом не являлось понятие «дева-рыцарь» в Большом Мире.

Если же кто хотел вернуться назад, в Большой Мир, – таких не держали. Сами они, конечно, не добрались бы; болотники, изредка отправлявшиеся в Большой Мир, брали их с собой. Так что тех, кому непосильной показалась жизнь и служба на Туманных Болотах, провожали и отпускали.

Но как бы тяжело ни было выживать на Болоте, как бы жутки и свирепы ни были Твари Болотного Порога, подавляющее большинство оставалось здесь. Да и из ушедших многие потом возвращались. Потому что больше нигде в мире не было такой атмосферы братства и полного доверия друг к другу, как в этой затерянной, позабытой богами Крепости. Болотники никогда не лгали, всегда замечали, что происходит с товарищем, были максимально щепетильны в вопросах чести и никогда не сражались ни друг с другом, ни с людьми. И уж тем более никогда не убивали людей. Даже если человек и сто раз заслуживал этого. Они полагали, и вполне резонно, что люди глупы, ленивы, вспыльчивы и слепы, но не им, болотным рыцарям, их судить. Их Долг – охранять и защищать людей от Тварей. И именно следование Долгу делает человека болотником, а не сила и умения. Наоборот, рыцари становились

лись столь сильными и умелыми именно потому, что следовали – и продолжали следовать до последнего предсмертного вдоха – велению Долга.

– Когда я обратил свой меч против заговорщиков, мне пришлось сражаться, – говорил Кай. – Против меня и двух моих братьев – сэра Эрла и сэра Оттара – обрушились сотни гвардейцев и отряды боевых магов. Я не собирался убивать людей, я пытался их вразумить и отвернуть от нас всеми доступными средствами, но... у меня не было выбора. Противников оказалось так много, что были и убитые... Было много убитых. Люди погибали под обломками рухнувших стен, от направленных в меня и отраженных мною заклинаний, затапывали в толпе друг друга... Так я нарушил еще одно правило Кодекса. Но мне удалось вывести ее высочество принцессу и братьев-рыцарей из Дарбиона. Я исполнил долг перед ее высочеством и своими друзьями.

– Убивая людей – даже против своего желания, – сэр Кай безусловно нарушил Кодекс, – негромко проговорил Магистр Скар, точно для самого себя выделяя нужную мысль.

– Ты сказал, брат Кай, – обернулся к юноше Герб, – что у тебя не было выбора. Знай: у болотника всегда есть выбор, даже тогда, когда кажется, что его нет. У тебя был выбор. Между Долгом, который ты поклялся нести всю жизнь, Долгом защищать всех людей – и долгом перед теми, кто дорог твоему сердцу. «На двух скачущих рысках не усидеть...» – говорили у меня на родине. Но дело в том, что брат Кай, как и каждый из присутствующих здесь, с легкостью сможет проделать и не такое. И все же... На двух скачущих рысках не усидишь.

– Сердце – плохой советчик, – медленно выговорил Магистр. – И перед болотником никогда не должен стоять выбор: соблюсти то или иное правило Кодекса или нет. Исполнение Долга невозможно без неукоснительного соблюдения правил Кодекса, – повторил он сказанное ранее.

Кай понимал: то, что говорит Герб, – правда. Но и то, что говорит Скар, – тоже правда. Но как в этих двух правдах отыскать истину? Только болотники могли полностью осознавать, что близ Порога допущение даже крошечного шажка в сторону от любого из правил Кодекса – неотвратимая смерть. Собственная смерть и смерть братьев, которых ты подведешь. И даже если знаешь, что, соблюдая правило, ты обрекаешь братьев на гибель, следует соблюдать правило. И у тех, кто сражается рядом с тобой, не возникнет и малейшей мысли о том, что ты поступил неправильно. Но... это за Стеной, близ Порога, в битве с безжалостными болотными Тварями... А в Большом Мире?

Он припомнил ту ночь во дворце, испуганно притихшую темь, липнувшую к безмолвным холодным камням, ту ночь, когда он решился облачиться в доспехи и обнажить меч, чтобы скрестить его с мечами людей. Тогда он был уверен, что поступает единственно верно. Но сейчас...

– Продолжай, сэр Кай, – велел Магистр.

Кай посмотрел на него.

– Когда ты отправлял меня в Большой Мир, сэр Скар, – сказал он, – ты сказал мне, что Твари встречаются не только близ Порога. Ты сказал мне, что мой Долг – защищать людей и сражаться с Тварями, даже если люди не в состоянии понять и оценить мой подвиг... Магузурпатор Константин послал в погоню за нами тех, кого называют чернолицыми. Знает ли кто-нибудь из братьев, кто это – чернолицые?

– Я знаю, – сказал Герб. – Я слышал о них, но никогда мне не приходилось встречать их.

– Я тоже слышал о чернолицах, – сказал Гар. – Второе имя их – Дети Ибаса.

– Я не мог вразумить их, как по правилу Кодекса положено поступать по отношению к людям, которые стремятся уничтожить тебя, – произнес Кай. – Я не мог вразумить их, потому что они не подлежат вразумлению. Они перестают быть людьми раньше, чем осознают себя кем-либо. Чернолицые – это клан, служащий Ибасу, Последней Упавшей Звезде, Убийце Из

Бездны. Они убивают за золото и все свои жертвы посвящают Блуждающему Богу, Великому Чернолицему, а полученным за кровь золотом отделявают свои тайные храмы. Адепты Ибаса крадут человеческих детей, отсекают им язык и гениталии, чтобы лишить возможности женщин познать мужчину, а мужчин – познать женщину. Их кожу сплошь покрывают черной татуировкой, глаза чернят порошком перемолотых драконьих костей, а зубы – ядовитым отваром из желчи василиска. Над ними проводят особый обряд, чтобы отнять у них человеческое, а образовавшуюся пустоту заполнить Тьмой и Силой Блуждающего Бога. Затем их обучают искусству убивать. Они не подлежат вразумлению, а ведь всякого из людей возможно вразумить. Они когда-то были людьми, но Твари сделали из них Тварей. Когда я понял это, я сражался с ними как с Тварями и уничтожил их как Тварей...

– Люди могут становиться Тварями, – проговорил Магистр Скар, обменявшись взглядом с Гербом и Гаром. – Но крайне редко. История Ордена знает лишь один такой случай. Когда человек навсегда перерождается в оборотня и уже не может совладать с жадой бесмысленного убийства. Оборотень – несомненно Тварь. И подлежит безоговорочному уничтожению. Но рыцари-болотники никогда не сражались с теми, кого ты зовешь чернолицыми. Ты стал первым. Эти создания никогда не изучались рыцарями-болотниками, поэтому нельзя сейчас сказать определенно, Твари они или нет. Как и вопрос о том, Твари эльфы или нет. Спор о том, Твари ли оборотни, шел много лет. А тебе, сэр Кай, хватило совсем немного времени, чтобы вынести приговор. И в случае с эльфами. И в случае с чернолицыми.

– Возможно ли было сохранять жизнь ее высочества и сэра Оттара, не убивая чернолицых? – задал вопрос Гар, и голос его прозвучал сурово, ни нотки обычной простоватости в этом голосе не читалось.

– Да, – помедлив, глухо ответил Кай.

На лице Магистра резче обозначились морщины. Герб нахмурил брови.

– У тебя есть что сказать еще, брат Кай? – спросил Герб.

– Да, – повторил Кай.

– Говори.

– Люди убивают Тварей, зверей и себе подобных, – начал снова говорить Кай. – Голод заставляет людей убивать. Ненависть, любовь, злоба, жажда власти и золота заставляют людей убивать. Но всякий человек, даже самый дурной, все же способен пощадить свою жертву... Тварь же не знает пощады и убивает не по причине ненависти и прочих страстей. Боги создали человека так, что он не может убить другого человека просто так, безо всякой причины. Это было бы – все равно как убить самого себя. Чтобы решиться на убийство, человек должен уподобить свою жертву какому-либо образу, рожденному своим сознанием. Человек не убивает человека. Человек убивает насильника, вора, чужестранца, лгуна, развратника, нечестного богатея или отвратительного уродца-нищего... Но когда человек сталкивается с чем-то неведомым и чужим для себя – он уничтожает это чужое не раздумывая, по первому велению души. Так давят вползших на стол пауков, неприятных на вид, но безобидных. Или... Иногда у домашней козы рождается козленок-урод, имеющий пять ног вместо полагающихся четырех... или лишний хвост. Таких козлят режут немедленно при рождении, но никогда не употребят в пищу, пусть даже будут умирать с голоду. Режут и сжигают трупы, развеивают пепел по ветру, чтобы ничего не осталось, даже праха. Неведомое и чужое – всегда пугает и отталкивает человека, потому что несет в себе опасность. Тварь чужда человеку, и он всегда будет стремиться ее уничтожить. Человек чужд Твари, поэтому Твари безжалостно убивают людей. Люди и Твари – создания совершенно разных миров. В каждом из них изначально заложено стремление взаимного уничтожения: Человек и Тварь уничтожают друг друга – безмысленно, инстинктивно. Вот суть этого древнего противостояния...

Болотники, молодые и старшие, внимательно слушали Кая. Все же этот юноша стал пятым рыцарем за всю многовековую историю Болотной Крепости, кто сумел понять, как

уничтожить Черного Косаря, Тварь, которую невозможно уничтожить. Используя рассказы старых рыцарей, изучая хронику Крепости, он силой собственного разума извлек из пыльного вороха легенд и осторожных домыслов верный вывод.

– С того дня, как нам пришлось спешно покинуть Дарбион, меня не оставял вопрос: что же такое Тварь... – произнес Кай.

Несколько человек из молодых болотников недоуменно заулыбались. Вот уж вопрос! Разве можно сомневаться в ответе на него?

– Здесь, в Болотной Крепости Порога, – сказал Кай, поймав эти улыбки, – ответ очевиден. Но Твари встречаются не только у Порога... – Кай повернулся к Магистру, упершему выбритый подбородок в кулак, и сэр Скар тут же утвердительно кивнул. – Поэтому я стал отталкиваться от такого определения: Тварь – нелюдь, враждебная людям. Может ли человек стать Тварью? Да. Каждый оборотень когда-то был человеком. И чернотицы... – Тут Кай запнулся. И не стал договаривать.

Один из молодых болотников, сидевший прямо напротив Кая – белокурый и отчаянно синеглазый, в доспехе, изготовленном из наспинных пластин Крылатых Гадюк, сидевший, опираясь обеими руками на короткий меч, выточенный из иглы Гадкого Дикобраза, – воспользовался паузой и несмело подал голос:

– Брат Кай! Могу ли я задать вопрос тебе?

Кай знал имя этого юноши – Ранк, но с ним самим, кажется, никогда не разговаривал. Ранка привезли на Болото в то самое время, когда Кай, окончив обучение, избрал для себя путь воина и вошел в Крепость. Обычно рыцари-болотники, восстанавливающие силы после серьезных ранений, навещали Укывище, где помогали Мастерам тренировать учеников. Но тогда, когда и Каю выпало на время вернуться в Укывище, Ранка там уже не было. Он перешел жить на Охотничьи Хутора, так как посчитал, что стать охотником и снабжать рыцарей в Крепости дичью – и есть его призвание. Не так давно, видимо, сердце позвало его в Крепость. То, что Ранк стал рыцарем совсем недавно, Кай понял по состоянию доспеха юноши. Латы из пурпурных, покрытых лиловыми разводами пластин Крылатой Гадюки покрывала густая сеть засечин, кое-где виднелись темные пятна огненных и магических ожогов. Ранк явно получил доспехи в арсенале, ему еще не довелось уничтожить свою первую Тварь, чтобы использовать ее для изготовления собственного доспеха.

– Ты говорил, брат Кай, что эти... чернотицы любят золото, – сказал Ранк. – Разве Тварям свойственна жажда золота?

– Дети Ибаса не используют золото на свои нужды, – ответил Кай. – Они вообще не имеют никаких потребностей, кроме одной: служить своему хозяину. Они впустили в себя его силу, а тот человек, кто – вольно или невольно – поддался Твари, уже не может быть человеком. Две чуждые сущности не могут находиться подле друг друга – как не могут соединиться огонь и вода. Более слабый поддается более сильному. Тварь не может стать человеком; по крайней мере, никто нигде и никогда этого не видел. Это вообще невозможно вообразить. А человек способен становиться Тварью... Существование Тварей-оборотней это доказывает. Ведь про оборотня нельзя сказать, что он немного человек, немного Тварь. Да, частица человеческой природы сохранилась в нем, но все равно он – нелюдь, опасный для других людей. Он – Тварь. Из этого всего я сделал вывод...

Кай оглядел рыцарей, задержав взгляд сначала на Скаре, потом на Гербе. И договорил:

– Человека и Тварь могут связывать только одни отношения: жажда взаимного убийства. А если человек и Тварь объединяются... для чего бы то ни было... такой человек – пусть даже внешний вид его не вызывает никаких подозрений – суть поддавшийся воле Твари, а значит, Тварь, и никто иной.

Кое-кто из молодых рыцарей охнул, услышав такое.

– Сэр Кай, – проговорил Магистр Скар, – сама мысль о том, чтобы человек примирился с Тварью рядом с собой, вызывает у меня омерзение... и недоумение. Такого просто не может быть.

– Однако я видел это в Большом Мире, – сказал Кай.

Герб ухватил в кулак свою аккуратно подстриженную белую бороду. Он смотрел в землю, напряженно двигая седыми бровями: очевидно, размышлял о чем-то.

– Расскажи нам о том, что ты видел, – потребовал Скар.

– В городе, называемом Лиан, я сражался с Серыми – магами Константина, коим он даровал часть своей великой силы, – продолжал юный болотник. – Серые, не вступая поначалу в прямую схватку, призвали Тварей Темного мира. Я сразил Тварей. И затем я уничтожил всех, кто напал на нас вместе с Тварями. Серых магов. И гвардейцев Константина, которые пришли с магами.

– Ты уничтожил людей? – спросил Скар.

– Я уничтожил Тварей...

Несколько ударов сердца никто ничего не говорил. Затем тишину нарушил приглушенный и охрипший голос Кая.

– Братья! – произнес он. – Я говорил вам, что нарушил правила Кодекса, но я... сейчас не знаю, прав я в этом или же нет. Я прошу у вас помощи, братья: разобраться и сказать мне – кто же я теперь? Клятвопреступник или рыцарь Ордена Болотной Крепости Порога...

И снова довольно долго рыцари Ордена Болотной Крепости Порога молчали. Молодые болотники уставились на Магистра, ожидая его реакции на слова Кая. Долго молчали рыцари. Потом Скар пошевелился и заговорил:

– Рыцарь нашего Ордена сэр Кай отправился в Большой Мир по воле и велению его величества короля Гаэлона Ганелона Милостивого. Сэр Кай должен был нести службу в Дарбионском королевском дворце, охраняя жизнь дочери короля ее высочества принцессы Литии. Являясь рыцарем-болотником, сэр Кай был обязан неукоснительно соблюдать все правила Кодекса болотников. Каждый из вас знает эти правила. И каждый из вас знает, что только следуя Кодексу, возможно выжить за Стеной – выжить для того, чтобы выполнить свой Долг. Но в Кодексе есть и правила, созданные для болотников, которые по какой-либо причине оказываются в Большом Мире. Рыцарь Ордена должен выполнять волю своего короля; рыцарь Ордена не может вмешиваться в дела людей; рыцарь Ордена не сражается с людьми и не убивает людей – вот эти правила. Все слышали речь сэра Кая... Никто из вас не будет спорить с тем, что – формально – сэр Кай нарушил все эти правила. Но... я не могу сказать, что сэр Кай не исполнил своего Долга. Он пошел вопреки воле короля, но отстоял принцессу перед Тварями. Он вмешался в дела людей, но избавил от позора принцессу и спас из застенка друзей-рыцарей. Он сражался с людьми, но, убивая их, уничтожал Тварей...

– Брат Кай выполнил свой Долг, – негромко проговорил Герб. – Большой Мир, братья, – это не Туманные Болота. Помните это. И говорите, если кто-то имеет что сказать.

Подал голос Ранк. Возможно, потому, что взгляд старого Герба случайно остановился на нем.

– Брат Кай нарушил правила, но он... получается, что он не нарушал их, – высказался Ранк. – Я... не знаю, братья. Одно и то же, оказывается, можно видеть по-разному.

– Крестьянин, глядя на кусок дерева, видит в нем ковш или миску, воин в той же деревяшке разглядит рукоять для ножа или топора; а бродяга и лентяй увидит никчемный мусор, – сказал Гар. – Но деревяшка-то, она деревяшкой и остается...

– Самое страшное, что может случиться с болотником, – отступление от Долга, – твердо произнес Магистр. – Что такое по сравнению с этим увечье или смерть? Совершенное ничто. Мы, болотники, осознаем себя для того, чтобы исполнять свой Долг. Не будь нас, человечество поггло бы под когтями Тварей. Рыцарь, отступивший от исполнения Долга,

не имеет права называться рыцарем. А Долг невозможно исполнить, не соблюдая правила Кодекса, которые складывались веками.

Эта страшная речь кинжалом вонзилась в грудь Кая – ему даже трудно стало дышать. Он бы отдал сейчас все, что угодно, лишь бы не слышать этого – лишь бы вместо слов Магистра в грудь болотника вонзился настоящий клинок.

– А как складываются правила? – вдруг спросил у собравшихся Герб. – Год от года попадая в одни и те же ситуации, люди вырабатывают порядок действий, ведущих к тому, чтобы наилучшим образом с этими ситуациями справляться... Те ситуации, в которые попадал брат Кай, не ведомы никому из болотников.

Рыжий Гар шумно выдохнул и ударил себя ладонями по коленям.

– Ты прав, брат Герб, – сказал он. – Ежели так-то глянуть... Большой Мир – он потому и называется Большим, что в нем столько всякого понапихано: и хорошего, и дурного. А уж перемешано! Так что и не разберешь, где дурное, где хорошее, а где ни то ни се...

– Я никогда не был в Большом Мире, – проговорил, хмурясь, Магистр, – я родился на Туманных Болотах и, видимо, встречу свою смерть здесь... где судьбой уготовано мне место для несения Долга... Дело, в котором ты просишь нас помочь разобраться, чрезвычайно сложно, сэр Кай. Сегодня я не могу помочь тебе. Может, у кого-то из вас, сэры, есть что сказать сэру Каю?

Молчание было ответом Магистру. Только Герб тихо проговорил, обращаясь вроде бы к самому себе:

– Нужно поразмыслить... Твари Большого Мира хитры. Они прячутся за людьми и в людях... Мне необходимо время, – громче сказал он.

– Я бы тоже пару-тройку деньков покумекал, – добавил и Гар.

– Итак, решено, – сказал Скар, поднимаясь. – Суд переносится на то время, когда мы будем готовы помочь тебе, сэр Кай.

Кай ошарашенно глянул на Магистра.

– Что же мне делать сейчас?! – спросил он.

– Исполнять свой Долг, – ответил Скар.

– Я ж говорил тебе, брат Кай, – сказал Гар. – В гарнизоне каждый рыцарь на счету. А близ Порога рыщут Твари. Пусть сейчас сезон, когда их немного и они не так свирепы, но... еще один опытный рыцарь нам не помешает.

– К заходу солнца брат Равар ведет в дальний дозор отряд из пяти человек, – сказал Герб. – Если на то будет разрешение Магистра и твое желание, ты заменишь брата Равара, поскольку он еще не вполне оправился от ранений и не сможет сражаться в полную силу.

– Я позволяю сэру Каю отправляться в дальний дозор, – сказал Скар.

– Я иду в том отряде, – подал голос Ранк, – и буду счастлив, брат Кай, сражаться с Тварями рядом с тобой.

– Я не пойду за Стену с заходом солнца, – медленно и тихо проговорил Кай. – Я не буду заменять брата Равара.

На Кая смотрели все. Кто-то с удивлением, а кто-то спокойно, ожидая его объяснений, которые тут же и последовали.

– Поскольку вина моя неясна, братья, – произнес Кай, – неясно и то, имею ли я право являться рыцарем Ордена или заслуживаю лишь позора изгнания из Крепости. А значит, вы не можете доверять мне, как доверяете друг другу. А если среди рыцарей в дозоре есть кто-то, кому нельзя доверять, такой дозор находится в большой опасности, и всякая битва для него может стать последней.

– Эка! – крикнул Гар. – Чего-то ты не то говоришь, брат Кай. С чего ты взял, что мы не доверяем тебе?

– Я отправлюсь в дальний дозор завтрашним утром, – закончил Кай. – Я пойду один, чтобы не подвергать никого из вас, братья, опасности. А когда я вернусь... надеюсь, что Суд скажет свое слово.

Теперь взоры всех собравшихся обратились к Магистру.

– Да будет так, – молвил сэр Скар, Магистр Ордена Болотной Крепости Порога.

До самой ночи Кай готовился к своему походу. Маршруты дозоров были составлены так, чтобы охватывать всю территорию за стенами Крепости. Эти маршруты были выверены с ювелирной точностью, чтобы ни одна Тварь не могла проскользнуть к Крепости незамеченной. Кай же, перед тем как начать приготовления, разработал свой маршрут. Он решил добраться к самому Порогу и шагнуть за Порог – туда, где можно было отыскать гнезда Тварей.

Болотники время от времени предпринимали подобные походы, стремясь уничтожить как можно больше кладок чудовищ и тем самым обеспечить себе несколько месяцев относительно спокойной жизни. Но такие вылазки были довольно редки – они требовали тщательной подготовки, и в них, как правило, задействовались от десяти рыцарей до полутора десятков: Твари, чьи гнезда подвергались разорению, сражались отчаянно. К тому же у самого Порога магия Тварей усиливалась многократно, а заклинания, произнесенные человеком, напротив – либо ослабевали, либо срабатывали не так, как должны были.

Кай уже заканчивал сборы, отбирая последние амулеты, когда в арсенал спустился Герб.

Старик-болотник окинул взглядом объемистый дорожный мешок, набитый до отказа, и присел на скамейку у стены, под неярко коптящим факелом.

– Сколько времени ты намерен провести в дозоре? – осведомился Герб.

Кай осторожно поднял с полки потрескивающий от наполнявшей его магии амулет Искристого Льда, проверил на прочность шнурки и повязал амулет на шею.

– Шесть или семь дней, – ответил он.

– Однако припасов ты взял дней на десять, – заметил Герб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.